

Абалова Татьяна

Сборник

Любовь
вне времени
и пространства

Любовно – Фантастический Роман

Annotation

Здесь вы найдете истории на любой вкус. Грустные и веселые, сказочные и мистические, приключенческие и фэнтезийные. Предлагаю окунуться в мир любви моих героев, которые несмотря на тяготы жизни, хранят ее крупницы и полны надежды на счастливое будущее.

В сборник вошли шесть историй о любви. Где бы ни происходило действие: на Земле, в космосе, фантастических мирах, мифах или сказках, герои проведут нас через необычную историю любви. В истории «Не и щц справедливости у богов» любовь длится веками, а для любви героини «Океанида» отведены лишь сутки. Герой «Казус Эм» уникален, которому нет равных, но он тоже находит свою любовь, а историю несчастной любви героини «Пять пар обуви моей бабушки» рассказывают... башмаки и туфельки. Герой «Я — Тарт Крёз» вообще не человек, но влюблен по самые... Поймите! А у черепах есть уши?

- [Татьяна Абалова](#)
    - [История первая](#)
    - [История вторая](#)
    - [История третья](#)
    - [История четвертая](#)
    - [История пятая](#)
    - [История шестая](#)
-

Татьяна Абалова
ЛЮБОВЬ ВНЕ ВРЕМЕНИ И
ПРОСТРАНСТВА

История первая

Не ищи справедливости у богов

*Амон с Атоном встретятся в зените
И будет подпись о великом зле:
«Когда-нибудь и вы в любви сгорите,
Любовь свою не встретив на земле»*

Тексты пирамид

Это я. У меня много имен. У меня много жизней. У меня много боли. Я знаю, что все это сделал со мной ты. Ты ни разу не захотел со мной поговорить. Ты ни разу не захотел узнать правду. Но время пришло. Я расскажу тебе все. С высот будущего взываю к тебе. Слушай!

Аэрия. IV тысячелетие до нашей эры

Я, Аэрия, родилась в прекрасной древней стране Та-Кемет, которая сейчас называется Египет. В те времена боги жили рядом с людьми: они любили и страдали, ненавидели и мстили, но не было никого могущественнее их, и нам, простым смертным, лучше было не встречаться с высшими силами на жизненном пути. Уничтожат. Мы для них пыль под ногами.

Наша деревня находилась в дневном переходе от столицы Нехен, поэтому погонщики скота, торговцы и другие путники всегда останавливались у последнего колодца напиться прохладной воды и передохнуть. Старики, жаждущие общения, с утра располагались неподалеку, грели уставшие кости под солнцем, лениво переговаривались, погружаясь в воспоминания. Но стоило появиться путникам, старцы оживали: глаза загорались, даже самые немощные пододвигались ближе, начинали жадно прислушиваться к речам, интересуясь подробностями, чтобы потом пересказать новости остальным.

Я, как и все хозяйки, ежедневно приходила к колодцу за свежей водой, слушала сплетни, брюзжание стариков, смеялась с подругами над

пустяками и проделками мальчишек. Любила эти мгновения, потому что большей частью была занята работой по дому. Мама давно умерла, а папа часто отлучался в столицу — перевозил по Нилу рыбу и овощи. Он был добр и ласков, баловал и заботился, называл красавицей. «Хороша, словно утренняя заря» — это обо мне. И даже мое второе тайное имя — Нефертари, которое никто не должен знать, дабы не навредить, означало «прекрасная путница». Незнакомцы, увидев меня, застывали, как каменные глыбы, и не могли отвести глаз. Сначала это смущало, но со временем ко всему привыкаешь, вот и я перестала обращать внимание.

Это утро ничем не отличалось от череды предыдущих. Все шло как всегда. Я пришла за водой и, наполняя кувшин, прислушалась к разговорам. Старики вспоминали времена, когда страной правил бог Осирис, погибший от рук брата Сэта, женщины кивали головами, сочувствуя безутешной вдове, богине Исиде, а подруги ужасались, обсуждая смерть очередной жены нынешнего правителя, того самого Сэта. И все сходились в одном — бог, чье имя означает «злой и свирепый», не может быть хорошим мужем, и несчастны будут женщины, которых он выберет для своего ложа.

Увлеченные интересной темой, мы не сразу обратили внимание на конный отряд, приблизившийся к колодцу. Воины часто проезжали через деревню, выполняя свою службу, но эти всадники сильно отличались по виду. Они были мощного телосложения, в богатых одеждах, дорогое оружие ярко блестело на солнце, и кони выглядели под стать им — сытые, с лоснящимися боками, с затейливо заплетенными гривами. Особо выделялся всадник, едущий впереди: на его плечах позвякивало массивное ожерелье, на ногах плотно сидели высокие золотые сандалии, а рука сжимала плетку с семью хвостами. Люди невольно расступились, пропуская отряд к воде. Я замешкалась, пытаюсь взгромоздить тяжелый кувшин на плечо, поэтому вздрогнула от неожиданности, услышав рядом властный рык «Воды!»

Подняв голову, поняла, что обращаются ко мне. Нетерпеливый всадник одной рукой поднял тяжелый кувшин и припал к нему. Медленно пил, не спуская с меня страшных глаз красного цвета. Я заморожено наблюдала, как вода тонкими змейками стекала на его грудь. Вокруг стояла тишина, казалось, люди перестали дышать. Стало холодно и захотелось поскорее вернуться домой.

Мужчина протянул кувшин, но не сразу отдал, а задержал, при этом внимательно рассматривая мою фигуру. Мне исполнилось всего четырнадцать лет, но я уже имела округлые бедра и довольно крупную

грудь, чего стеснялась, поэтому невольно закрыла ее рукой. Получив кувшин назад, спешно наполнила водой и кинулась домой. Воин поехал следом.

Беспрестанно оглядываясь, в пустой надежде, что он свернет, добежала до нашего двора и увидела странное — вышедший навстречу отец упал ниц перед красноглазым всадником. Только теперь я поняла, что это и есть наш правитель бог Сэт. Он легко спрыгнул с коня и прошел в дом, заставляя побледневшего отца следовать за ним.

С тоской ожидала известий, страшась узнать причину божественного желания посетить наш дом. Не смогла развести огонь в очаге, руки тряслись и не слушались. Уронила чашку, рассыпала зерно, и, наконец, бросив все дела, села у двери. Но тут же поднялась, потому что резко откинулась занавеска, и на пороге показался грозный Сэт. Крупными шагами, не оглядываясь, он дошел до коня, кинув напоследок спешащему следом и беспрерывно кланяющемуся отцу:

— Сделаешь, как я сказал, старик!

— Да...

— Всю деревню уничтожу, если сбежит. Через два месяца пришлю колесницу за своей невестой. Жди!

После этих слов Сэт вскочил на коня и уехал, не удостоив меня взглядом. Растерянный отец еще долго стоял у ограды, глядя, как на дороге опадает пыль, поднятая всадником. Когда я подошла, крепко обнял и заплакал:

— Прости! Не уберег...

Уткнувшись ему в грудь, я замерла. Казалось, это сон, не могло такое произойти с нами! В сердце поднималась жалости к отцу: впервые видела его плачущим. Страх перед будущим оглушал: выживу ли во дворце или погибну, как другие женщины? Смириться или искать выход? У кого просить помощи? В этот момент я ненавидела свою красоту.

К полудню уже вся деревня обсуждала громкое событие. К дому стали приходить люди. Одни поздравляли, другие жалели, третьи жаждали узнать подробности.

Чтобы выплакаться и побыть в одиночестве, отправилась в свое тайное место, где часто уединялась в минуты печали. Это была старая ива, корни которой подмыли воды Нила во время разлива, от чего она сильно накренилась, развесив длинные ветви плотным пологом. Уже раздвигая упругую листву, чтобы нырнуть в густую тень, услышала плеск воды. На берегу сидел незнакомый мужчина.

Я испугалась и попятилась, готовая бежать. В этом уединенном месте

редко бывают чужаки. Но когда он поднялся, и, заметив меня, приветливо кивнул головой, замерла. Длинные пальцы провели по мокрым волосам, открыв мужественное лицо, темные глаза смотрели с интересом, а губы растянулись в приветливой улыбке. Незнакомец был божественно прекрасен.

— Кто ты? — спросил он.

— Аэрия Нефертари, — даже не задумываясь, назвала мужчине оба имени.

— Аэээрия, — протянул незнакомец. Его голос мне казался подобным звуку ласкового ветра, поющему о приближении весны. Мужчина медленно подошел и склонился надо мной. В волнении не заметила, что плачу, а он, сняв пальцем слезу, поднес к своим губам.

Отчего слезы льются? Забыла. Все забыла. Сэт? Кто это?

Проводила глазами каплю, исчезающую в его чувственных губах. Не понимая, что делаю, потянулась к незнакомцу, он ответил движением навстречу. Запрокидывая голову, ощутила тепло его дыхания на глазах, щеках, шее. Все теснее обнимая, вплетая руки во влажные волосы, ждала, желала его поцелуев.

Его мягкие губы лишили разума. Тонула, всплывала и вновь уходила в пучину неизвестных ощущений. В сердце поднималась волна пронзительной любви к этому мужчине. Хотелось раствориться в нем, рассыпаться на мельчайшие осколки счастья, которые зародились и требовали выхода.

Что со мной? Откуда появилось чувство, что полностью принадлежать этому божеству — правильно? Была околдована, подвластна любому желанию.

Словно находясь во сне, взяла его за руку и потянула к иве.

Старая ива сохранила секрет нашей любви, скрыла таинство, произошедшее под ее кроной. Стала молчаливым свидетелем страстного желания, неистребимой жажды отдавать и принимать, восторга от единения чувств и тел.

Опять плакала, но уже от счастья. Возлюбленный ловил мои слезы губами и шептал о бесконечной любви, я эхом повторяла свои искренние слова и клятвы.

Обнявшись, мы долго стояли у реки, боясь разъединить руки, разрушить начавшееся слияние душ. А когда звезды расцвели черное полотно ночи и месяц отразился в водах Нила, поняла, что время расставания наступило.

В счастливом безумии даже не спросила имени любимого, радуясь

обещанию вернуться за мной. Когда? Скоро, очень скоро. Прощаясь, нежный возлюбленный надел на мою шею амулет богини Исида, узел из кроваво-красных камней, как подтверждение своих чувств.

Хатхор. То же время

Прошло два месяца, колесница из дворца, к моей радости, так и не пришла. Но Сэт не отказался от намерения жениться, напоминая об этом дорогими подарками и диковинными вещицами, которые отец тут же прятал.

У колодца всезнающие старики объясняли промедление тем, что сейчас правителю не до плотских утех, появилась опасность потерять трон. Путники, едущие из столицы, рассказывали об объявившемся сыне бога Осириса, требующем вернуть власть по первородному праву.

Деревенских женщин известие взволновало, но не потому, что между богами идет война, а хотелось понять — откуда взялся сын? Все знали, что бывший правитель Осирис умер, не имея наследника. И тут мы слышали невероятную историю, рассказанную торговцем из Нехена:

«Обратилась богиня Исида к богу Ра с мольбой помочь ей исполнить мечту — родить сына от любимого супруга, убитого коварным братом Сэтом. Самой ей трудно было справиться, захвативший трон Сэт, боясь возвращения Осириса из царства мертвых, разделил тело и раскидал по земле Та-Кемер.

Согласился бог Ра помочь и нашел все останки Осириса. Но в отчаяние пришла богиня, когда не оказалось среди них детородного органа мужа! Видимо его поглотили воды Нила. Тогда пошла она к берегам реки, набрала глины и слепила эту важную часть. Анубис забальзамировал тело и запеленал — так появилась первая мумия.

Превратилась Исида в сокола, опустилась на Осириса, накрыла крылами, и сотворила великое таинство. Через положенное время родился Гор — бог неба и солнца. Долго скрывала богиня сына, пока не возмужал он и не вошел в силу, чтобы противостоять могущественному Сэту».

Я выдохнула, только сейчас заметив, что сдерживалась, боясь пропустить, не расслышать даже слово из чудесной истории. Понимала чувства Исида, ее желание стать матерью, под моим сердцем тоже росло дитя. Точно знала. И ждала своего любимого, очень ждала.

Однажды у колодца появилась незнакомка в сопровождении воинов. Женщина рассказала любопытствующим, что ее зовут Хатхор, она жрица и

идет в Па-иу-рек посетить храм богини Исиды.

В это время я наклонилась за кувшином, и подаренный амулет выскочил из выреза верхнего платья. Путница остановила взгляд на нем, стала, не скрываясь, рассматривать, отчего-то сильно волнуясь, а потом попросилась на ночлег в наш дом.

Я заметила это беспокойство, но объяснила тем, что жрица узнала узел Исиды. Да и просьба не была странной — уставшие путники часто оставались на ночь в деревне. Не видела причины для сомнений, тем более что Хатхор была жрицей почитаемой мной богини.

— Мы с отцом будем рады помочь. Идите за мной, — сказала я, поднимая кувшин на плечо, — На ужин испеку лепешек, есть фрукты. Вам понравится.

Жрица улыбнулась и поспешила следом, оставив своих воинов у колодца.

Этой ночью было жарко. Спала, откинув даже тонкую льняную ткань, которой обычно укрывалась. Днем я прятала появившийся живот, но в своей комнате наслаждалась свободой. Дитя уже шевелилось, и было радостно ощущать, что частичка моего любимого растет во мне.

Не ожидала прихода ночной гостьи и испугалась, увидев фигуру в серебристом лунном свете.

Но когда жрица заговорила, успокоилась. Она посетовала, что ей не спится, и присела рядом, бросив взгляд на мой живот. Я поторопилась прикрыть его, скомкав ткань и меняя положение — мне не хотелось лежать, когда Хатхор сидит, это казалось неловким.

Ночная гостья стала задавать вопросы. Некоторые из них не нравились, но я честно отвечала, доверяя жрице.

— Как зовут тебя, дитя?

— Аэрия.

— Ммм, воздушная земля... Красивое имя. Кто отец твоего будущего ребенка?

Не знала, как ответить на этот вопрос. Не хотелось признаваться, что влюбилась в человека и поверила ему, не спросив даже имени. Хатхор не удивила моя заминка, она продолжила ласковым голосом:

— Ты не знаешь его имя? Это он дал амулет Исиды?

Различив мой кивок, она продолжила:

— Я слышала, ты невеста Сэта?

Увидев, что я заерзала, поспешила успокоить:

— Не бойся, я никому не расскажу о твоей тайне, — она коснулась рукой моего живота, — Более того, помогу. Как? Дам заговоренный

гранатовый сок. Не изменяя внешности, сок сделает тебя неприятной для Сэта, отталкивающей. Он перестанет желать тебя. Ты же хочешь, чтобы правитель забыл тебя?

Тут я непроизвольно прижала руку к животу. Хатхор поняла.

— Нет, этот напиток не повредит ребенку, ведь я жрица храма Исиды, а она заступница женщин и детей. Но чтобы заговор исполнился, нужна дорогая тебе вещь, поднесу ее богине в дар. Думаю, этот амулет с красными камнями подойдет. Выпьешь сок, когда я покину дом, но не позже полудня.

Голос заворачивал, произносимые слова казались истиной. Сомнений не было. Жрица предлагала выход из положения — перестать бояться Сэта и спокойно ждать любимого, не оглядываясь, не вздрагивая от шума любой повозки, проезжающей мимо дома. Сняла амулет Исиды и отдала ей.

Было жаль расставаться с вещью — доказательством нашей любви, но у меня оставалось более важное свидетельство — наш малыш, который сейчас сильно толкался в живот.

Жрица перехватила амулет и протянула запечатанный кувшинчик, в котором плескалась жидкость на два глотка. Он все это время был у нее в руке, а я не замечала.

Хатхор не стала дожидаться утра, отряд покинул нашу деревню затемно.

Распечатав кувшин, осторожно сделала первый глоток, но различив вкус граната, и, успокоившись, допила остальное. Неудержимо потянуло в сон, и я провалилась в темноту.

Разбудила невыносимая боль внизу живота, как будто мои внутренности рассекали серпом. Свернувшись, пыталась чаще дышать, чтобы пережить рвущую на части схватку.

Увидев, как по лежанке расплзается кровавое пятно, завывала от ужаса.

Отец, не зная, чем помочь, выбежал на улицу, зовя соседей. Череду лиц, склоняющаяся надо мной, слилась в разноцветный туман. Переворачивали, раздевали, причитали над моим телом, заставляли пить что-то горькое — все казалось страшным сном.

Было жарко, скидывала с себя ткани, но чьи-то заботливые руки укрывали, гладили по голове, давали воду. Пила жадно, разливая, захлебываясь, и опять проваливаясь в тягучую темноту.

Не знаю, сколько прошло времени, но из тумана выдернул злобный рык. Его узнаю из сотни голосов. Это был Сэт. Он за волосы вытащил меня из дома.

Инстинктивно закрыла живот руками и только сейчас поняла, что

новой жизни во мне нет! Теперь было все равно, что со мной сделают.

Тело бросили на землю, черная тень склонилась и ударила в лицо. Последнее, что видела, это мелькнувшее в воздухе копье. Его наконечник ярко блеснул на солнце. Отчаянный крик отца и последняя вспышка боли. В сердце.

Измученная душа взвилась в небо, там ее поджидала лодка из тростника. Поплыла по реке смерти к царству мертвых. У берега скопилось множество суденышек, и было лишь одно свободное место, где моя лодка могла причалить.

Но слышала вдруг голос моего любимого. Это был твой голос. И ты был в гневе. До сих пор помню эти страшные слова: «Аэрия-Нефертари! Ты предала меня — Гора, сына Осириса и Исиды, убила нашего божественного сына, польстившись на царствие с моим врагом Сетом! Я насылаю проклятие: не будет тебе покоя ни на земле, ни на небе. Отныне будешь возрождаться вновь и вновь, и каждый раз познаешь горечь предательства!»

Мой дух вился вокруг, но ты не хотел замечать. Зато я хорошо разглядела Хатхор. Не было на ней одеяний жрицы, и она ластилась, касаясь руками моего любимого. А ты, мой бог, с силой сжимал в руке амулет с кроваво-красными камнями.

Шло время, я видела все. Как ты выиграл битву с Сетом, как взошел на трон, и рядом в одеянии царицы села Хатхор, как родила она тебе четырех сыновей. Как оживил ты своего отца Осириса, пожертвовав глазом, и как он остался править в царстве мертвых, где не было мне места...

Но однажды я родилась снова. Расскажу о последнем дне этой жизни.

Лукреция. 509 год до н. э.

В этот день, как и всегда, мой муж Коллантин Тарквиний с утра ушел на форум участвовать в диспутах. Я не любила Коллантина. Но никто не будет спрашивать о чувствах семнадцатилетнюю девушку, когда брак считается выгодным для семьи: так почетно породниться с племянником царя!

Я же, распорядившись по дому, в сопровождении двух рабынь отправилась в храм. Рим переживал тревожное время, царь и его окружение отличались распущенными нравами, чем раздражали и патрициев, и плебеев. В городе было неспокойно. Женщинам лучше было не выходить из дома без сопровождения вооруженных мужчин. Но храм Юноны

находился рядом, поэтому я решилась.

В древнем Риме Юнона — новое имя богини Исиды, а ты — Аполлон, все тот же бог солнца, который не хочет слышать меня. Поэтому проще было обратиться с мольбами к матери, она тоже женщина, и я просила о заступничестве, еще не веря, что проклятие свершится. Наивная. Очень скоро получила восточку, что ты не справился с гневом.

После полуденного сна было приятно посетить купальни — это особый момент в жизни патрицианки. Рабыни натирали тело благоухающими маслами, промывали волосы, красиво заплетали, одевали хозяйку в ниспадающие одежды. Это последнее мое положительное воспоминание.

Обычно, к приходу мужа домой, накрывали стол, но в этот раз в атриуме появился гонец с вестью, чтобы я не ждала Коллантина, его позвал на пир Секст Тарквиний, сын царя и двоюродный брат мужа.

Уже была глубокая ночь, когда слуги открыли дверь, в которую нетерпеливо стучали. С улицы доносились крики и раскаты смеха. В дом ворвалась шумная компания во главе с мужем. Они были пьяны. Коллантин схватил меня за руку и вытащил всем на обозрение, выкрикивая, что прекраснее и добродетельнее жены не видел. Мужчины жадно рассматривали мое тело, едва одетое в легкую ткань, и я невольно поймала алчущий взгляд Секста, от чего лицо залилось краской. Было стыдно за мужа, и страшно от шуток возбужденных мужчин. А Коллантин не понимая, не видя этого, продолжал восхвалять мою красоту. Когда гости одобрительно захлопали и признали мужа выигравшим спор, по его приказу подали кубки с вином. Выпив за хозяина, компания, к моему облегчению, вывалилась на улицу, и, вскочив на коней, умчалась прочь.

Долго не могла успокоиться, унять дрожь. Съедали досада, стыд и разочарование. Выставил, как кобылу на торгах! Унизил, раздавил!

Находясь в переживаниях, не заметила, что в спальне появился мужчина, взмахом руки, велевший рабыням покинуть комнату. Это был Секст.

Еще не понимая, что он один, пыталась разглядеть за его спиной Коллантина, но там находились только испуганные слуги, которые не смели перечить сыну царя. Он же, не щадя моего доброго имени, впился больным поцелуем в губы, не давая возможности отступить. Задыхаясь, старалась отбиться, но ничего не выходило: хрупкая дева не могла противостоять сильному воину. Секст яростно сдирал с меня одежды. Изворачиваясь, пыталась воззвать к его разуму, просила отпустить, даже угрожала, что ему не простят бесчестия, но все было напрасно.

Позже, сидя на развороченной постели, собирая остатки одежды, в попытках прикрыть истерзанное тело, испачканное его семенем, от которого никогда не отмыться, слушала угрозы насильника: должна молчать, иначе утром в моей кровати найдут мертвого раба, как доказательство прелюбодеяния.

Смогла дышать, только когда он покинул дом. Не было сил, не было боли, не было чувств. Оцепенение. Рассеянный взгляд наткнулся на нож Секста, оброненный им. Поняла, что это знак — орудие твоей кары. Сталь холодила руки.

Слуга убежал за отцом и Коллантином, и вскоре они прибыли. Сенатор был недоволен, что разбудили, муж — что не дали отпраздновать победу в продолжавшейся пирушке. Увидев меня, осеклись оба.

Не подбирая слова, порой не понимая, как и что говорю, поведала о поступке Секста. Без упрека к стоявшим передо мной мужчинам, без обвинений. Потом подняла согретый руками нож и воткнула себе в грудь.

Вот и все. Конец трагедии.

Так я умерла во второй раз.

Окровавленное тело вынесли на улицу, как доказательство преступления царского сына.

А мой дух взвился в небо и попал в деревянную ладью. Она понесла по реке времени, но я опять не смогла попасть в мир мертвых.

Видела, что была отомщена мужем и отцом: царская власть была низложена.

Видела рождение римской республики и ее закат. Видела, как низвергали пантеон богов, и как в мир пришло христианство.

Вам перестали поклоняться, разрушили величественные храмы. Появилась новая вера и люди стали молиться иному богу и сыну его Иисусу, которого сами же и убили однажды на Голгофе. Но я знала, вы никуда не делись, ибо боги бессмертны.

Прошли века, и я опять родилась, на этот раз во Франции.

<i>Анжелика. 28 июня 1681 г.</i>

— Сестра, принеси воды. Помоги подняться. Нет. Не могу. Слабость. Только разлила всю воду. Ужинать? Нет, не надо. Унеси. Не хочу. Уйди, попробую уснуть.

Болит все. Сердце, душа, тело. Наверное, это последний день.

Воспоминания мучают, идут чередой. Устала. Жить устала. А мне

всего лишь двадцать лет...

Жаль мальчика моего. Совсем ему бог времени не отпустил. Родился мертвым. Теперь только молиться могу и надеяться на встречу. Там. Свидимся ли? Одного его любила в этой жизни, ждала, как чудо, которым была бы вознаграждена за все. Не случилось.

Помешали старой фаворитке короля — графине Монтеспан. Сначала она своими кознями удалила несчастную хромоножку Луизу, которую обвинила в «нехорошей болезни», чтобы Людовик брезговал ее, а потом настал и мой черед — ревнивая Фрасуаза позаботилась о нас, обе оказались в монастыре. Так ей не хотелось терять блистательного любовника.

Яд. Сына убил еще в утробе, меня убивает до сих пор. Мучительно.

Сколько уже? Одиннадцать месяцев? Поднесли отравленный кубок в родах. Радости ждала. Дождалась...

Бедный Людовик в ужасе был от жестокости Франсуазы, вернулся к королеве Марии-Терезии. Хоть кому-то хорошо.

А я умираю в одиночестве. Ненужная, нелюбимая.

А любил ли кто Анжелику де Фонтаж по-настоящему? Отец? Нет... Отправил нарочно во дворец. Угадал, что король обратит внимание на «прелестное создание». Планы строил с моим кузеном. Думал ли отец обо мне? О моих чувствах? Нет. Точно нет. Хотел быть ближе к венценосному любовнику дочери. Что теперь? Ни короля, ни ребенка, ни красоты. Скоро и дочери не будет.

Великолепный Людовик. Король Солнце. Как быстро проходит любовь короля? Зашло солнце, и кончилась любовь. Тьма. Кругом тьма. Ночь уже?

Версаль ночью был великолепен. Огни, люди в прекрасных одеждах, смех, танцы. Когда я появилась при дворе, боялась всего. Держалась робкой тенью возле невестки короля.

Лучше бы была дурнушкой, все сложилось бы иначе.

А тогда нравилось, как на меня смотрел король. Подъехал на своем скакуне после конного парада в Фонтенбло и протянул цветок. Шепот за спиной.

Людовик был прекрасен, как сам бог Аполлон, которого изображал в этих ниспадающих белых одеждах, с венком из золотых листьев на голове. Бог-солнце!

Увижу ли снова солнце?

Солнце. Мне было всего восемнадцать, когда участвовала в своей первой охоте. На короля. А он гнал оленя. Тогда солнце вдруг ослепило, и я не заметила низкие ветви деревьев, которые растрепали тщательно завитую прическу «а ля Севинье». Но я не растерялась и связала распустившиеся

локоны чулочной подвязкой. Королю понравилась эта нечаянная шалость, он рассказал о ней всему двору. Дамы стали повторять за мной и даже дали название этой прическе — «фонтаж».

Прическа прижилась при дворе, а герцогиня де Фонтаж нет.

Глупой девушке льстило внимание короля. Цветок, сухой уже, лежит между страницами им же подаренной книги. Стихи о любви. Грезила, заучивала, мечтала. Наивная. Все оказалось другим.

Неужели два года прошло с той ночи с Людовиком? Будто вчера было.

Провели темными ходами в спальню, оставили одну. Было страшно и волнительно. О чем думала тогда? Слышала, что король знал множество любовниц. Боялась, как покажусь? Ничего не умея, понравлюсь ли? Или буду как та несчастная, над которой долго смеялись? Людовик прогнал девушку, едва раздев — не понравилось, что тело в укусах. А у нее тело нежное было, любой укус блохи превращался в болезненное пятно.

Каждая из нас страдала от вшей. Что мы только не делали, чтобы избавиться от них! Вот и сейчас — измучили мое несчастное тело, чешется, зудит все. Лекарь говорит, это от слабости.

Помыться бы. Но нельзя — дрова дороги, денег нет. Запах. Вижу, как сестра София морщит нос, приближаясь ко мне. Но что делать? Сама задыхаюсь. Немного осталось подождать...

Вроде утро уже? Солнце? Свет, какой яркий свет...

Маргарет Гертруда. 15 октября 1917 г.

Теперь я — Маргарет Гертруда Зеле, гражданка Нидерландов, но нахожусь в данный момент в Париже. Ну, не совсем в нем, но об этом позже.

Итак, я обрела свободу, когда покидала остров Ява с небольшим кофром и большим желанием изменить свою жизнь.

Куда может податься женщина, разочарованная в браке, измученная мужем — пьяницей и развратником, пережившая смерть собственного ребенка? Только в Париж! Что я имела за своей спиной? Неплохое школьное образование, полученное благодаря деньгам моего папочки, который вскоре обанкротился и обрушил нас в нищету, пара женских курсов и небольшой опыт работы в индонезийской танцевальной группе.

Чем можно удивить Париж? Только экзотикой, сдобренной небольшим количеством лжи (назову ее фантазией) и игрой на мужском тщеславии. Я поняла эти истины, попробовав работать, как рядовая парижанка. Итог —

полуголодное существование. Вовремя сама себе сказала «хватит»!

На следующее же утро на свет родилась танцовщица эротических танцев с загадочным именем Мата Хари. Моего бога не удивит, что в переводе с малайского это означает «Солнце»?

Тщательная разработанная легенда, смазливая внешность и наглость позволили мне заручиться поддержкой мецената. Да, будем называть его меценатом. Он был первым в ряду промышленников, банкиров, генералов, писателей, художников, находившихся у моих ног. Обнаженных ног.

Не знаю, верили они или нет, что Мата Хари восточная принцесса, проведшая всю жизнь в монастыре в Индии, но я доказала, что владела тайной покорения мужских сердец через плавные танцевальные движения, в которые вовлекались руки, плечи, бедра, ноги. А когда с них еще послойно спадали легкие прозрачные ткани, все больше и больше обнажая мое стройное тело, они были готовы на все! Я без зазрения совести пользовалась этим «все».

Но моя невероятная карьера эротической танцовщицы была прервана первой мировой войной. Кто там выстрелил в Сараево? Убил эрц-герцога? Нет, меня!

Все стало плохо. Я просто пыталась выжить. Пересекала страну за страной, находя своих бывших поклонников, пытаюсь заработать и, может быть, стать полезной, а они оказались во враждующих армиях.

Что двигало моими генералами? Страх разоблачения за связь со мной или мужские игры в доблестных воинов? Но результат печальный — я арестована и обвинена в шпионаже.

О, мой Париж, ты это видел!? Нашли злодейку и осудили на смертную казнь! Расстрел.

И я же еще успокаивала эту несчастную дюжину солдат с ружьями наперевес, стоявшую передо мной! Я им крикнула: «Проститутка? Да! Предательница? Никогда!» Осталось еще только скомандовать «Пли!»

Кстати, один из них не смог. Упал одновременно с моим телом. Нежный мальчик.

Так я умерла в очередной раз. Измученная, униженная.

И вдруг мне стало все равно, продолжится череда жизней или прекратится. Перегорело. Мстительный бог сломал свою игрушку, вдоволь поиздевавшись.

Отныне я не буду обращаться к тебе, Гор. Слышишь? Я отказываюсь от тебя. Не хочу больше любить. Прощай!

Меня зовут Зеленди Елена Девятьсот Седьмая Бри, я бывшая землянка. Сейчас все бывшие. Земля вот-вот прекратит свое существование, наш корабль класса «Аполлон-Омега» последним покинул родную планету. Вылет задержался на неделю и это может стоить нам жизни. Нам — горстке людей, оставшихся от некогда могущественного человечества.

Корабли, улетевшие с планеты после объявления о срочной эвакуации землян, переставали выходить на связь, как только попадали в пояс астероидов. Это говорит о том, что ни один из них не смог пройти через него, даже суперкрейсеры класса «Ра-Альфа».

Последний парад планет солнечной системы закончился катастрофой. Ученые Земли окрестили ее «Копье бога». Все планеты словно нанизывались на длинное копьё, которое по одному разрывало гигантов космоса и выворачивало их нутро. Осколки Урана, Сатурна, Юпитера плыли, сталкивались, ломались в мега-масштабном поясе и следующая планета, чьи останки закружит в смертельном танце — Земля.

Расчеты траектории полета произвести невозможно, разрушение Марса, соседа Земли, внесло дополнительный хаос. У нас остался единственный шанс спастись благодаря экранному прикрытию маленькой Луны, до последнего преданной своей планете, но неполадки в системе навигации задержали вылет непозволительно долго.

Мой муж, Огуст Девятьсот седьмой Бри — командир корабля и я не видела его больше месяца, но знаю, что экипаж работает на пределе возможностей. Человеческие силы ограничены, хотя нынешний вид людей совсем не похож на землян начала веков. Радиация изменила нас, мы стали гораздо могущественнее, но по-прежнему ничто против космоса.

Земляне освоили все планеты нашей системы, но не смогли выбраться за ее пределы. Космос не пускал дальше, словно стоял ограничитель для биоматериала: механизмы проходили через это невидимое сито, живое — погибало.

Теперь, когда солнечная система подвергалась разрушению, была вероятность, что ее внешние границы, не выпускающие нас прежде, перестали существовать. Огуст объяснил доходчиво: «копье», уничтожающее планеты, разорвало сито, и через эту брешь мы сможем покинуть наш мир.

Необходимо было выполнить главную задачу — проскочить пояс

астероидов, что до нас не смог сделать ни один звездолет.

— Зеленди, родная, пройди на капитанскую площадку, — уставший голос мужа прервал размышления.

Движением глаз замкнула передающую систему и ответила:

— Буду через 2 секунды.

Если он зовет к себе в святая святых корабля — дело плохо.

По телетрансферу переместилась в нужную точку и тут же попала в объятия мужа. Он склонился надо мной, слышался щелчок сворачивания защитной маски. Теплые губы нашли мои и долго не отпускали. Поцелуй был глубоким и чувственным.

Сердце сжалось от страха. Если Огуст позволяет себе нежности на глазах у экипажа, то он в большом отчаянии.

Оглядевшись, увидела, что мы одни.

— Я отпустил экипаж к их близким. Пришел час прощаться.

Я запаниковала, сенсор эмоций зашкаливал. Но муж прижал мою голову к груди и проговорил.

— Тише, тише. Я с тобой.

Слушая четкий ритм его сердца, постаралась взять себя в руки.

Краем глаза заметила, как стремительно приближается огромный осколок умершей планеты к смотровому экрану, разрушая слои защиты один за другим.

Пронзительно завывала предупреждающая сигнализация.

Датчик эмоций, не выдержав напряжения, разрушился. Меня начало трясти — больше не помогала система погашения стресса.

— Не смотри туда, — проговорил Огуст, беря мое лицо в ладони, заставляя тем заглянуть в родные глаза. В них плескалось море нежности. Ни капли паники.

— Я люблю тебя. Жаль, что предал твои надежды.

Ответить я не успела.

Сверхновая. Бесконечный день бесконечного века

Как появляются боги? Теперь я знаю это. Из звездной пыли, света и энергии космоса.

Когда-то один мстительный божок решил наказать глупую влюбленную девочку. Теша свое ущемленное самолюбие, он проклял ее: она не могла уйти в царство мертвых, рождалась вновь и вновь, испытывая муки предательства. Понял ли он в гневе, что сделал ее бессмертной?

Нет людей, нет Земли, нет солнечной системы, а я жива. «Я мыслю, следовательно существую», не правда ли?

Как теперь выгляжу? Божественно. Как себя чувствую? Божественно. Что могу? Все.

Слышишь? Я могу все. Мы теперь на равных.

Дальше?

Не думай, что буду говорить о вечной любви. Она есть, но не для тебя. Не бойся, что начну оправдываться. Уже ни к чему. Начну упрекать? Забудь.

Чего же хочу?

Сказать спасибо.

Спасибо, что дал такой бесценный опыт жизни во множестве лиц, спасибо за гамму чувств, испытанных мной на протяжении тысячелетий, спасибо, что столкнул с миллионами людей, пусть и недобрых порой.

Но теперь я знаю, какими они НЕ должны быть.

Я создам новый мир, где люди будут подобны богам, а боги будут справедливы к своим детям.

Я населю этот мир верой, надеждой и любовью.

Любовью.

Прошло время, когда я страшилась наказания богов.

Теперь я сама богиня.

И бросаю тебе вызов. Слышишь?

Гор.

Слышу. Готовлю копье.

История вторая

Казус Эм

Всё страньше и страньше! Всё чудесатее и чудесатее!

Льюис Кэрролл

Сколько лиц у агента могущественной корпорации «Высшие силы вселенной»? Сотни. Что может остановить такого агента? Провал? Смерть? Только любовь.

1. Элажбет

Я расскажу историю, которая однажды круто изменила мою жизнь. Все началось во время бала короля Еухения Второго, куда я не был приглашен по той причине, что о моем существовании никто не подозревал.

Хм, простите мою невежливость! Не представился. Я Эм, агент корпорации ВСВ. «Высшие силы вселенной» преследуют собственные интересы в каждом уголке космоса и претендуют на главенствующую роль. Правда, в этом им противостоят «Низшие силы вселенной», которые тоже не прочь диктовать свои условия. Здесь как раз в игру вступают такие, как я. Мы расстраиваем планы противника.

Вот и в этот день я пробрался во дворец с единственной целью: скомпрометировать фаворитку короля Элажбет Гонго. ВСВ необходима война между Изанией и королевством Портого, но Еухений Второй не может решиться на этот шаг из-за огромной любви к Элажбет, поданной Портого. Убийство здесь не поможет, нужна злость, ненависть, удар по венценосному самолюбию.

Во дворец, где гремела музыка, и слышался гул голосов гостей, я попал с черного входа для слуг. Нес в руках огромную корзину с фруктами, присланную матерью короля для любимой фаворитки. Это действительно так. Элажбет невозможно не любить и даже королева-мать не устояла перед добрым нравом и красотой девушки.

Вы спросите, как же я смогу скомпрометировать человека, пользующегося всеобщей любовью, отвечающего королю преданностью и благодарностью и не помышляющего об иной жизни? Тем более если за спиной фаворитки находится целое государство, обязанное ей своим благополучием? А очень просто. Я пересплю с ней. И в самый страстный момент на пороге спальни появится король. Он не простит предательства, я это точно знаю. И завтра королю Портого будет объявлена война.

Я доставил корзину в спальню Бет, не спеша разделся и лег в постель. Шелковые простыни приятно охладили спину. Уткнулся лицом в подушку. Боже, как она пахла! Я мог бы сутки напролет наслаждаться этим ароматом! Неужели сама Элажбет такая же сладкая?

В предвкушении закрыл глаза, но тут же услышал скрип открываемой двери и шуршание парчового наряда. Элажбет. Фаворитка короля была до того ослепительно красива, что возбуждение при виде ее ярких глаз, курносого носика и алых губ прошло по мне волной. Ладно, я соврал. Первое, на что засмотрелся, и на что откликнулось мое мужское естество — роскошная грудь девы, едва сдерживаемая корсетом. При каждом шаге Элажбет грудь соблазнительно подрагивала, и мое воображение тут же дорисовало портрет нагой прелестницы.

Я перекатился на бок и, подперев голову рукой, радостно улыбнулся ей.

Она засияла в ответ. При виде ямочек на ее щеках, волна возбуждения покатила по второму кругу.

— Любимый, ты уже здесь! Какой сюрприз!

И, как была в платье, легла рядом и прижалась. Через ткань я почувствовал, как часто бьется сердце Бет! Страшно захотелось ее поцеловать. Это какое-то наваждение! Аромат, исходивший от девушки, кружил голову, радовал, возбуждал.

Когда я прикоснулся к ее губам легким поцелуем, Элажбет засмеялась:

— Что с тобой? Ты дрожишь?

Она надавила на плечо и заставила лечь на спину. Пододвинулась ближе и внимательно посмотрела в глаза. Улыбнулась, взъерошила волосы и поцеловала.

Я в раю! Волна возбуждения, прошедшая по мне сотым кругом, заставила стонать.

М-м-м, какой сладкий поцелуй! Когда ее язычок погладил кончик моего, я взорвался! Невероятно! Кончил от одного поцелуя! Теперь я понимаю короля! Только за поцелуй объявил бы войну или мир во всем мире! Да что там! Отдал бы жизнь!

Увидев, к чему привел поцелуй, она озорно рассмеялась:

— Ты скучал! Я знала! Бедного мальчика не отпускала ко мне злая королева!

Будешь злым, когда супруг большую часть времени проводит в спальне фаворитки! Я удивляюсь, как вообще можно лечь в постель с другой женщиной после Бет. Как мне хотелось, чтобы минуты, отсчет которым пошел, растянулись в месяцы, годы жизни рядом с невероятной Элажбет.

Красавица соскочила и, повернувшись спиной, попросила расстегнуть платье. Маленькие пуговицы никак не поддавались, выскакивали из непослушных пальцев.

Она опять засмеялась:

— Рви!

Пуговицы горошинами рассыпались по комнате.

Под платьем обнаружился корсет и фижмы. Меня было не остановить. Чтобы добраться до тела Бет рвал, рвал и рвал.

— Смешной! Надо ли было рвать корсет? Там ленты! — Обнаженная девушка обернулась ко мне.

Я задохнулся. Зачем скрывать под кучей одежды такое тело? Это преступление! Моя недавняя фантазия была скупой, ничтожной по сравнению с тем, что открылось мне.

Пока красавица вытаскивала шпильки из волос, я пальцем проследил каждый след, оставленный тесным корсетом на тонкой коже. Она опять смеялась.

Я потянулся к розовому соску, накрыл губами, втянул. Услышав стон, отпустил источник блаженства на волю и отодвинулся. Она непонимающе смотрела на меня. Я сам себя не мог понять. Эта простая ласка, которую проделывал миллионы раз, вызвала такое возбуждение, что опять чуть не забился в оргазме! Что со мной?

— Что с тобой? — эхом повторила Элажбет. — Ты здоров?

Покачал головой. Я болен. Я болен ею.

Девушка губами прикоснулась к моему лбу:

— Странно. Еухений...

Не дал договорить. Обхватил и потянул на себя. Она устроилась удобнее, немного поерзав на мне. Придавил ее попку ладонью, чтобы предотвратить очередной взрыв. Она поняла и опять засмеялась. Потом приблизилась и поцеловала. Ее ласковый язычок прошелся по моим губам, побывал во рту, дотронулся до зубов.

А потом чертовка укусила мою нижнюю губу!

От неожиданности вздрогнул и понял, что это был отвлекающий маневр. Она сидела на мне. Тесная, влажная, шелковая.

Начала медленно двигаться, закусив губу и не спуская с меня взгляда. В нем плескалась любовь, нежность. Потом закрыла глаза, подняла голову вверх и отдалась чувствам.

Когда я провел подушечками пальцев по ее бедру, остановилась, часто задышала. Осторожно двигаясь от талии вверх, пальцы подобрались к груди. Спиральными движениями обвели ее всю от основания до возбужденного соска. Потрогали, вдавили, потом потянули.

Протяжное «А-а-а-ах», наклон вперед и опять умопомрачительный поцелуй. Одно движение попой и громкий протяжный стон в мои губы! Она кончала!

Вот-вот должна была наступить моя разрядка, когда скрипнула входная дверь. Мы одновременно повернули головы.

На пороге стояли король Еухений Второй, его первый советник и посол Портого.

Элажбет приподнялась и закричала.

Еще бы. Ее застукали кончающей на слуге королевы-матери. Она в ужасе спрыгнула с меня. Мой жезл гордо торчал со сладкими следами предательства. Элажбет потеряла сознание у ног своего короля.

Еухений Второй повернулся к послу Портого, стоявшему в оцепенении с открытым ртом:

— Я объявляю вам войну.

И быстрым шагом покинул комнату. Первый советник, обнаружив, что все еще смотрит на мой жезл, закрыл рот рукой и выбежал следом. Посол опустил тряпичной куклой на пол и пустым взглядом уставился на красную розу, выпавшую из рук короля.

Видя, что меня не собираются задерживать, я открыл окно. Обернулся на прекрасную Элажбет, которая так и не пришла в себя, залез на подоконник и спрыгнул с пятого этажа.

2. Лягушечка

Чтобы вы поняли, что же все-таки произошло во дворце, должен признаться. Я — метаморф. Могу принять любую внешность. Стать человеком, животным, даже амебой, если это понадобится ВСВ.

Готовясь к заданию, я понял, что Элажбет никогда не предаст своего короля. Поэтому единственным решением было стать Еухением Вторым.

Время свидания было рассчитано до минуты. Короля специально задержали, чтобы я мог сыграть его роль. Ну а когда счастливый монарх зашел к своей любимой, то увидел ее во всей красе на слуге, в которого я моментально превратился.

Покинул слуга комнату, как вы помните, через окно. Взмахнув вороним крылом, он полетел за стены замка и, устроившись на сосне, дважды каркнул. Это означало: «Элажбет, мне жаль!».

Это первый случай, когда мне действительно было жаль. Я три дня не покидал сосну. Видел, как постриженную наголо девушку увезли в монастырь, где она должна провести в молениях всю жизнь, как посольство Гонго в спешке покидало замок, как несчастный Еухений, закрывшись в кабинете, рыдал в парчовое платье своей бывшей фаворитки.

Вернувшись в резиденцию ВСВ, я неделю просидел безвылазно в своих апартаментах. Отключил связь, заблокировал доступ.

Пусть бесятся. Мне нужно побыть одному и все обдумать.

Как я мог допустить проявление чувств во время выполнения задания? Почему кончил и был готов кончить во второй раз? Почему я, бесчувственный, опытный, циничный, вел себя, как влюбленный мальчишка? Я, трахавший всех и вся по заданию ВСВ на протяжении веков! Я, трахнувший лягушку, когда нужно было добыть болотную жемчужину!

Стоп! Вот оно! Думай, думай! Что общего между этими двумя заданиями, кроме траха?

Благо, память хорошая, и я смог вспомнить каждое мгновение, проведенное на планете разумных амфибий.

Это случилось пять лет назад. ВСВ отправили меня добыть болотную жемчужину красного цвета. Когда получил задание, завис в недоумении. Болотные жемчужины могли иметь только зеленый цвет. Темные, светлые, но зеленые. А тут красная!

Трудность состояла в способе поиска. Что нужно сделать? Ни больше ни меньше, как перецеловать сотню лягушек. Жемчужины выращивались в пасти этих непривлекательных амфибий и лишь однажды на несколько минут извлекались на свет — в день лягушачьего совершеннолетия. Если особь по какой-то причине теряла жемчужину, ее дни были сочтены. Она погибала от первой же инфекции. Меня информировали, что красную жемчужину можно узнать по вкусу.

Высадившись в столичном болоте, а именно там засветилась необычная горошина, я приступил к делу. Вывесил на центральной кувшинке объявление, что гадаю по слюне. И началось целование.

Приняв образ лягушки, я начал исследовать пасти желающих погадать языком. Сначала тошнило, потом привык и делал все механически. Наивные твари верили всему, что я квакал.

Откуда уверенность, что придет та самая с красной жемчужиной, спросите вы? Любопытство и скука. На этой планете цвел лягушачий рай, но и рай приедается, когда заняться нечем. А потом, многовековой опыт сделал из меня классного любовника. Я так умело целовался, что многие лягушки пытались встать в очередь второй раз. Но нецелованные строго следили и пресекали попытки проникновения в мою кувшинку уже ошастливленными соперницами.

И вот настал день, когда появилась Она. Ничего выдающегося. Как все. Зеленая, мокрая, широкооротая. Ну, может, глазки были ничего. Или она их просто закрыла, когда я припал к ее пасти?

И тут последовал взрыв! Закружилась голова, и я испытал такую нежность к этой лягушечке, что потерял контроль. Наш поцелуй затянулся. Я перекачивал языком жемчужину по ее рту и испытывал небывалое возбуждение. Она отвечала. Мы сплетались языками, опять расплетались, щекотали, ласкали. Наслаждались.

Потом произошло это. В первый раз в образе лягушки. Я был сверху. Ее шелковистая кожа пахла необыкновенно. Сладко. Я мог бы провести на ней всю жизнь.

Но нас прервали. Очередная лягушка закатила скандал, обозвала мою неожиданную любовницу неприличным словом и раструбила всем, чем мы занимались.

Я готов был жениться, но вовремя вспомнил, для чего здесь оказался. Пока моя нежная лягушечка приходила в себя после первого в жизни акта с гигантом секса, сладко и глубоко поцеловал ее. Так глубоко, что она осталась без жемчужины. И был таков.

Ее жемчужина действительно оказалась красной. Она давала бессмертие.

Что общего в этих двух случаях? Первое, я потерял голову. Второе, получил умопомрачительное удовольствие от секса. Третье, мне длительное время не нужен был нектар.

Что такое нектар? Для меня все! Жизнь. Этим меня и держат на приколе ВСВ. Нет нектара — я мертв. Каждые пять дней должен получить дозу. Ослушался, ушел, задержался — смерть.

После лягушечки с красной жемчужиной мне не требовался нектар неделю, после Элажбет прошло более десяти дней, а признаков голодания не наступило.

Вывод: есть способ не зависеть от ВСВ. Существуют особи, вырабатывающие нектар, и достаточно быть рядом с ними. Любить и быть любимым.

По своим каналам навел справки об Элажбет. Получив информацию, бился головой о стену. Как я мог это допустить? Почему не кинулся следом за ней? Почему решил, что из монастыря она никуда не денется? Поздно, слишком поздно я решил встретиться с Элажбет. Она наложила на себя руки на следующий же день, как попала в монастырь. Без веры в чудо, я поинтересовался о лягушечке. Все было плохо. В моей кувшинке нашли только шкурку несчастной. Все нити оборваны.

Но осталась надежда, что все-таки встречу мою сладкую девочку в одном из миров. Не может быть, чтобы судьба посмеялась надо мной и не предоставила еще один шанс.

3. Роб Первый

Когда я появился в корпорации, агента Эм уже считали погибшим. Отоврался, что сохранил нектар после одной из длительных командировок. На сложные задания, где возможна задержка, меня снабжали сверхлимитными дозами.

Моему стремлению немедленно отправиться на новое задание ВСВ не могли нарадоваться. Я стал самым результативным агентом. Делал все быстро и качественно. Но, к сожалению, без результата для себя. Только один раз мелькнула надежда.

Тогда меня отправили в колонию роботов. На этой планете собирались отслужившее свое роботы со всей вселенной. Уничтожать их не позволял кодекс разумных существ. Механизмы обладали хоть искусственным, но интеллектом.

Передо мной стояла задача обезвредить местного царька, внушающего своим подчиненным, что они обладают не меньшими правами, чем человек. Лозунг лидера гласил: «Ничто человеческое нам не чуждо. Разве мы этого не достойны?». На этом было решено сыграть.

Для начала я определился, кем себя чувствует Роб Первый. Механизмом, заводной куклой или... Оказывается, мужчиной. Ага. Значит буду женщиной.

Вскоре в бункер Роба Первого доставили модель АХ100. Активная хозяйюшка, весившая сто килограмм, попала под списание, когда появилась модель ХА90-60-90.

Подмигнув уцелевшим видеосенсором, я подкатила (уже вжился в роль) к царьку, сидящему на троне — ковше от экскаватора. Выбросив коннектор со встроенной щеткой из перьев страуса, погладила Роба по напряженным плечам, делая вид, что вытираю пыль.

Он включился, зашелестел динамиком:

— Новенькая?

— Да.

Смущаясь, хотела потупить взгляд, но перестаралась. Видеосенсор вывалился из глазницы и хряпнулся об пол. Роб, как истинный мужчина, решил помочь вдруг ослепшей женщине, встал и подал руку — клешню в гофрированном шланге.

— Дорогая, не беспокойся. Сейчас вызову ремонтную службу и будешь как новенькая. — Немного помолчал и добавил: — Ну, почти.

Новенькая и почти новенькая в одном фейсе сделала вид, что сослепу оступилась, и всем весом навалилась на царька. Ковш с гулким звоном принял обоих. Удар по чувствительным датчикам был ощутимым. Сто килограмм — это вам не пятьдесят.

Местного правителя придавило так, что, пытаясь подняться, он вляпался фейсовой частью в грудной отсек Хозяюшки. Мягкие буферные емкости, наполненные смазочными материалами, не выдержали давления и дали течь. Высококласное масло «Шелл» обильно полилось на подвижные детали изъязвленного ржавчиной корпуса Роба Первого. Он застонал от наслаждения. Давненько не смазывался таким хорошим продуктом! Все веретенка, да веретенка.

Я воспользовалась этим и быстро подсоединила клеммы к открывшемуся при падении блоку питания — центру жизнеобеспечения царька. И произошел сладкий взрыв! Я испытала необыкновенное блаженство. Все датчики зашкалили. Закружился сенсор ориентирования в пространстве. Горизонталь поплыла навстречу вертикали. Если сравнить с человеком, то это был мощный оргазм.

Когда пришла в себя и включила запасной видеосенсор, обнаружила, что в экстазе добила царька. Восстановлению Роб Первый не подлежал.

Но что вызвало такую сильную реакцию? Поковырявшись в блоке питания, обнаружил (вернул себе мужское я), что он был наполнен нектаром, причем не суррогатом, которым снабжает ВСВ, а чистым. Сродни тому, который выделяла лягушечка и Элажбет.

Откуда Роб Первый получил нектар? Нужно покопаться в его биографии.

Хочу поделиться: после полученного оргазма на планете роботов, мне

не требовался нектар ВСВ в течение двух недель!

4. Капитан де Бери

Добытая информация заставила задуматься. Роб Первый, в миру механический полотор ПМ1015, служил на корабле. Не абы каком, а пиратском! И где его сейчас носил ветер, кто знает. Меня успокаивал положительный момент: корабль не космический, а парусный. Взломав базы данных корпорации «Низшие силы вселенной», я выяснил, что «Черная чайка» обреталась на планете Оушен-5.

Вскоре я в виде альбатроса раскинул крылья над просторами океана. Навигационная система четко вывела на корабль у искусственного острова. Снизившись, облетел судно несколько раз. Никого на палубе не заметил. Где экипаж? Сошел на берег? На шхуне не оставили даже дежурного? Тогда я иду к вам!

Опустился на палубу уже в виде портовой девки. Так проще отговориться, если застукают. Девка и есть девка! Что с нее взять? Сексом не запугаешь.

Осторожно пробралась в капитанскую каюту (вжился в образ). И получила по голове.

Я очнулся и вышел из женского образа одновременно. Попытавшись встать, понял, что привязан к кровати. В своем первозданном виде. Говорю не только о том, что рожден мужчиной, причем красивым мужчиной: я был гол, как новорожденный. И один орган подтверждал мужскую сущность — мой чрезмерно возбужденный жезл. Кажется, я так его называл в начале рассказа?

Пришло время задуматься, почему возбужден? Словно борзая повел носом. Запах. Меня окружал сладкий запах. Аромат чистейшего нектара! Я узнаю его из тысячи...

Краем глаза уловил движение справа. В большом резном кресле сидел мощный мужчина и улыбался. Одет ожидаемо. Распахнутая почти до пояса рубаха с широким воротником, черные штаны, заправленные в ботфорты, кожаный длинный колет. Красавчик! Капитан де Бери собственной персоной.

— Салют! — ласково, насколько позволял бас, произнес он.

— Что я здесь делаю? — не сразу справившись со словами по причине пересохшего горла, произнес я.

— Я тоже это хочу знать, — сказал капитан. Протянул руку, ухватил

чайничек с длинным носом и приложил к моим губам: — Пей!

Вода была вкусная, холодная. Я пил жадно, большими глотками, отчего часть воды утекла за шею. Де Бери легко поднялся, вытащил из кармана белоснежный платок и аккуратно вытер мне лицо и шею. Сестра милосердия.

Отчего-то застыл, пристально всматриваясь в мое лицо, наклонился еще ниже и вдруг... поцеловал. Не скрою, были в моей жизни мужчины, но тогда я был в женском образе, и это была работа!

— Блерский хмух! — выругался я, как только губы отпустили. — Ты что творишь?

— Прости, не смог удержаться, — широко улыбнувшись и ни капли не смутившись, сказал капитан.

Отойдя от шока, я облизал губы. Они были в нектаре! Капитан тот человек, которого я искал! Но мое мужское естество протестовало против такой связи! Жезл перестал быть виден. Уж лучше висеть на крючке у ВСВ!

— Знаю, ты нуждаешься во мне. — Капитан опять сел в кресло.

Я завертел головой:

— Нет! Лучше умереть от жажды!

— Мы поможем друг другу. Ты мне нужен не меньше, чем я тебе. Только метаморф, живущий за счет нектара, может полноценно помочь другому освободиться от его излишков. Мое тело вырабатывает нектар и, если вовремя не поделиться, может развиваться кома.

— Тоже метаморф?! Я думал, что единственный во всей вселенной! Во всяком случае мне это внушили. И, да! Развяжи меня! Это унижительно, лежать голым перед тобой.

Развязывая, он как бы невзначай дотрагивался до моего тела. Де Бери начало потряхивать. Еще не хватало, чтобы у капитана случилась кома, и мне тогда в качестве неотложной помощи пришлось бы целовать его! Последней каплей стало то, что капитан, убирая путы с груди, нахально потерябил мой сосок.

Видя, что сейчас кинусь в драку, прижал огромной ладонью к постели и прошептал с кривой усмешкой:

— Что? Не нравится? Унижительно? Подумай, каково было мне, когда ты бросил умирать меня, украв красную жемчужину? Или оставил подыхать от стыда во дворце Еухения Второго? Или превратил в грудку железа на планете роботов, вылакав весь нектар?

Капитан убрал руку и отвернулся от кровати. Пока я поднимался, ошарашенный новостью, спиной ко мне стояла уже женщина. Элажбет. Ее

плечи подрагивали. Она плакала.

Я не стал задавать глупых вопросов, как смогла выжить. Сам не раз имитировал смерть. Но не мог не поинтересоваться:

— Кто ты изначально? Мужчина или женщина?

— Женщина, — ответила она, хлопнув носом.

Я встал перед Бет на колени и уткнулся ей в ноги.

— Прости меня. Прости. Я мучился. Не мог смириться, что погубил. Вспоминал, как ты сломанной куклой лежала у ног короля. Ты любила его?

Мне было важно узнать ответ. Поднял голову и встретился с ее влажными от слез глазами. Одна из слезинок упала мне на губу. Автоматически слизнул. Чистый нектар.

— Нет. Не любила. Это было задание. Я — агент корпорации «Низшие силы вселенной». Мы выполняли одни и те же задания, но с разных сторон баррикады. Только тесный контакт позволил понять: ты — моя половинка.

— Лягушечка.

— Да. Из любопытства я пошла посмотреть на чудесного самца, которому страдало все женское население болота. Кто же знал, что ты охотишься на красную жемчужину?

— Это было и твое задание?

— Да. Собиралась покинуть планету, но не удержалась. Первый поцелуй решил все. Я уже не могла остановиться. Было так хорошо! — Она мечтательно подняла глаза вверх и запустила пальцы в мои волосы.

— Тогда, с королем, ты действительно думала, что это он?

— Да. Не ожидала, что опять попадусь метаморфу. Каждая встреча с тобой заканчивалась моим провалом. Поэтому я решила заманить тебя сюда, позволив вскрыть информационную базу НСВ.

— И что дальше?

— Дальше? Свобода! — Она встала на колени передо мной и поцеловала.

Так сладко. Так нежно. Так возбуждающе. Меня скрутил сногшибательный оргазм. Она счастливо засмеялась. Любимая. Обожаю мою Элажбет!

5. Секретное совещание

День спустя за круглым столом сидели представители «Высших» и «Низших».

В комнату зашел секретарь и передал видеополосу. На ней искрились

символы.

— Встреча прошла запланировано. Агенты уже сутки не покидают каюту «Черной чайки», — прочитал он вслух, после того как ему кивнул седой мужчина.

— Ну, что же, — нахмутив брови, сказал президент ВСВ, — все идет как договаривались. Наш метаморф влюблен в вашего. Пусть тешат себя свободой. Лет сто. Потом, согласно договорному протоколу, все родившиеся у этой пары мальчики — наши, девочки — ваши.

— Да, — подтвердил представитель другой стороны. — Метаморфы большая редкость, тем более вида «донор-реципиент». Хорошо, что у нас хватило ума заключить перемирие в этом вопросе.

— Перспектива выхода в другие галактики подтолкнула к неординарному решению. Нам с вами нужны метаморфы для создания агентурной сети в новых мирах.

Стороны скрепили успешное начало дружеским пожатием рук.

История третья

Океанида

*...Слово «любовь» означает две разные вещи:
просто любовь, то есть страсть, и милосердие.*

Сомерсет Моэм

Нелегка жизнь служащих «Средиземноморского пункта сирен». Для того чтобы успешно справиться со своей работой, они должны отлично плавать, красиво петь и умело обольщать мужчин. И не пропустить ни одного. Цена ошибки — жизнь.

— В стародавние времена, когда боги еще обитали на Олимпе, жили были четыре подруги. Трем из них посчастливилось родиться океанидами — дочерьми владыки морей и океанов, а четвертой — дочерью Зевса. Девы слыли писаными красавицами, способными доставить усладу любому мужчине, но отличались скромным нравом и не помышляли о плотских утехах. Они гуляли по саду, где росли необычайно ароматные цветы, а птицы исполняли такие чудесные песни, что забывалось обо всем на свете...

— Но ваша братия, тем не менее, не забывала подглядывать за этими девами. Птички не мешали!

— Дорогая, ты не понимаешь, как трудно удержаться! В то время девицы не удосуживались плотнее запахивать свои одежды, часто гуляли в чем мать родила. Вот и нарывались на нескромные взгляды.

— Фу, Ксанф, неприлично так выражаться — нарывались! Вы же не в том возрасте!

— Душечка, времена меняют нас. Приходится пользоваться современными словечками. А возраст здесь ни при чем. Я всегда был мужчиной, им и останусь. И не надо морщить свой прелестный носик! Мы, паны, всегда отличались повышенной сексуальностью! Я и сейчас дам фору многим молодым мужчинам. И не нужно хмыкать! Вечером посещу твой дом, Каппа. С доказательствами, так сказать. Что? Уже не смешно? Итак, продолжу свой рассказ. Не только паны подглядывали за прелестницами. В этот день мимо сада проезжал подземный правитель, и

его сразила красота одной из дев.

— Неправда! Он мимо не проезжал! Аид специально там оказался. Он уже договорился с отцом этой девы!

— Дорогая, позволь закончить рассказ! Среди нас есть новенькая. Мне следует проинструктировать ее.

— Ой, если вы, Ксанф, рассказываете историю из-за меня, то не стоит! Я ее наизусть знаю. От мамы! «Подземный правитель похитил дочь Зевса, а ее подруги не смогли помешать этому. За что были прокляты...» И мы, потомки первых океанид, продолжаем нести груз проклятия!

— Бедная твоя мама! Если бы она соблюдала все инструкции, то сидела бы сейчас рядом. И нам не пришлось бы ее оплакивать, а начальству переживать, что ряды сирен редуют! Ну, не плачь, малышка! Погибших не вернешь! Поэтому хочу еще раз напомнить: отступление от инструкции на шаг влечет за собой смерть. Вы все помните, как погибла мама Омеги?

— Да! Дельта упустила моряка, не смогла завлечь своим пением, поэтому проклятие свершилось! С первыми лучами восходящего солнца она погибла.

— Правильно, девоньки! Или вы губите мужчин, проплывающих мимо вашего поста, искушая их пением и неземной красотой, либо погибаете сами. В том и есть суть проклятия! На все про все у вас лишь сутки! Утром заступили на смену и до следующего утра должны справиться с заданием!

Пан ходил туда и обратно вдоль рядов дев, сидящих на ступеньках небольшого амфитеатра. Его копыта гулко цокали по каменной кладке. Звук шагов задавал четкий ритм произносимым словам, от чего они казались весомее. Ксанф был одним из многочисленных панов, живущих рядом с океанидами. Его род начинался с того самого уродливого младенца, родившегося у Гермеса и названного богами Паном. Его потомки категорически отрицали свое родство с сатирами, называя их не иначе, как похотливыми животными, не имеющими никаких моральных принципов. Действительно, паны отличались живым умом, тонкой душевной организацией и желанием угодить прекрасным океанидам.

Из амфитеатра хорошо слышался рокот накатываемых на берег волн, чайки с криком летали над головой, а свежий утренний ветер теребил длинные волосы слушательниц. Океаниды вольно расположились на каменных ступенях, не успевших остыть за короткую летнюю ночь. Солнце еще не слепило, и его косые лучи, пробивающиеся через густую листву кипарисов, растущих зеленой дугой вдоль восточной стены, расцвечивали серые мраморные плиты причудливыми пятнами светотени.

Шерсть, густо покрывающая грудь Ксанфа, становилась то золотистой

с яркими искорками, когда он входил в пятно солнечного света, то шоколадной, когда попадал под сень высоких деревьев. Пан прервал свою назидательную речь, услышав дробный стук каблуков за спиной.

— А вот и наша Альфа! — с заискивающей улыбкой Ксанф встретил деву с высокой затейливой прической. И добавил уже тише, чтобы услышала только она: — Тьфу, словно кличка собачья! Дуркует начальство, шифруется. Заменяли древние имена на коды! Теперь вместо прекрасного имени Аглаофа приходится звать тебя Альфа! Предлагал же применить английский алфавит. Была бы ты просто Эй!

— Эй, я тебе сейчас рога обломаю, если не заткнешься, — прошипела Альфа, сунув ему в руки небольшую коробку.

Вновь пришедшая была великолепна: высокая грудь, гибкий стан, подтянутые мышцы. Белизну кожи подчеркивал черный офисный костюм, плотно облегающий спортивную фигуру. Картину портило лицо. В нем читалась такая надменность, а взгляд пронзал таким холодом, что окружающие невольно опускали глаза.

— Итак, о чем сейчас рассказал Ксанф? Омега, ты новенькая, повтори!

Тоненькая светловолосая девушка в цветастом сарафане поднялась со своего места:

— Пан напомнил об одном из древнейших случаев киднеппинга, в результате которого наши предки получили проклятие. Теперь мы вынуждены работать, рискуя своими жизнями.

Альфа подошла к говорившей и цепким движением ощупала ее плечевые мышцы. Омега поморщилась от боли.

— Гамма, возьми на себя новенькую, поднатаскаешь. Она слабовата. Но ничего, захочет жить, займется своим телом.

— На мне и так большая нагрузка. Из центра пришли свежие тексты чарующих песен, их нужно разучивать, — возмутилась девушка с нотными листами в руках. Для убедительности она потрясла ими в воздухе, отчего пухлая пачка едва не разлетелась. — Да еще и новенькая не определилась, на каком инструменте хочет играть.

— Можно я выберу рожок пана? У меня голос не очень, — опять поднялась со своего места Омега, так и не решившись посмотреть в лицо Альфы. В противном случае она встретила бы злобный сверлящий взгляд старшей по средиземноморской группе сирен.

— Слабая мать родила слабую дочь!

От этих слов та, которую называли слабой, сжалась и обхватила себя руками, словно пытаясь защититься. На загорелой коже наливались синевой следы от пальцев Альфы.

— Не смей рыдать! Ты теперь в команде. Будешь выходить в смену Гаммы. — Вскинув руку в предупреждающем жесте пытающейся было возразить брюнетке с нотами, старшая спросила: — Месячные уже есть? — Получив утвердительный кивок покрасневшей от неловкости Омеги, продолжила: — Значит взрослая. И сможешь заменить Дельту. Садись!

Омега закрыла лицо ладонями, пряча обильно льющиеся слезы. Резкие слова Альфы о ее погибшей Дельте больно терзали душу новенькой. Ее окружали опытные сирены, не раз выходившие в море для исполнения древнего долга, и теперь она станет одной из них. Только злему року известно, сколько ей суждено прожить. Презрение, сквозившее в словах старшей по средиземноморской группе сирен, показывало Омеге, как мало ценили ее маму. Да, она была отличной от остальных океанид: старалась больше времени проводить со своим ребенком, не сдала его в интернат, находящийся при школе, где с годовалого возраста воспитывались дочери других океанид, больше преданных делу, чем своим детям. Воспроизводство потомства в их среде было сродни исполнению обременительного долга.

— Как верно слово «обременительный» подошло сюда, — с грустью подумала Омега. Род океанид не должен угаснуть и мало какая мать воспринимала ребенка, как родного: появилась еще одна сирена, которая однажды выйдет с ними на скалы плечом к плечу, чтобы справиться с поставленной задачей — выжить.

Соседка обняла плачущую Омегу за плечи, проявив сочувствие к сироте. Увидев это, Альфа презрительно сощурила глаза. Потом перевела замораживающий взгляд на остальных, словно ощупывая им каждую. Слушательницы притихли, сели ровнее, быстро оправляя одежду и волосы. В наступившей тишине стало слышно как огромный шмель вновь и вновь заводит свою песню, перелетая от вьюна к вьюну, украшающих своим нарядным плетями стены амфитеатра, да как копыто сидящего на ступеньке пана нервно стучит по каменной кладке. Поняв, что сейчас все смотрят на него, он, вытаращив в испуге глаза, быстро закинул ногу на ногу. Стук прекратился. Шмель, густо прожужжав, тяжело полетел в сторону моря. Тишина стала мертвой.

— Есть новости из центра. Завершилось расследование гибели Дельты. Рассматривалось две версии. Первая — самоубийство. Получены свидетельские показания, что яхта прошла рядом со скалой, но стоящий на палубе мужчина даже ухом не повел в сторону сирены. Из чего следует вывод: погибшая пренебрегала своими обязанностями и не пела!

Бросив очередной злой взгляд на зарыдавшую в голос дочь погибшей,

Альфа вернулась к блокноту, который держала в руках. С хрустом перевернула страницу.

— Вторая версия — мужчина на яхте являлся глухим или что-то мешало ему услышать пение. Вспомним историю. Как погибли наши прародительницы? Мореплаватели смогли избежать смерти, залепив уши воском! Но с тех пор мы ведем скрытный образ жизни, рассеявшись по всему миру. Люди не догадываются о нашем существовании. Поэтому центр исключил вероятность специального затыкания ушей от пения сирен.

Она сделала паузу. Все поняли — следует важная информация.

— Но на днях произошел аналогичный случай на посту у берегов Сомали. Там сирены работают, прикрывшись существующим в этих широтах пиратством. На парусной яхте находились четверо моряков, которые проплыли мимо мыса, не отреагировав на многоголосое пение. Девушки пустились за судном вдогонку и только этим привлекли внимание яхтсменов. Мужчины откликнулись не на чудесное пение, а на женские тела! В итоге группа справилась с работой: экипаж яхты был погублен. Но после разбора ситуации, чуть не приведшей к фатальному исходу лучшую смену на всем африканском побережье, выявился ряд неучтенных факторов.

Опять хрустнула переворачиваемая страничка. Альфа четко произнесла:

— Нам мешает работать прогресс! Голоса сирен заглушает рев двигателей, музыка, звучащая из динамиков на палубах и наушники, которые активно используются современными мореплавателями. Следствие выяснило, что все мужчины на яхте в момент пения сирен пользовались наушниками! Они слушали плеер или занимались виртуальными играми на своих телефонах, — Альфа вытащила из кармана пиджака скрученный моток проводов в белой оплетке. Встряхнув рукой, она всем показала, как выглядят наушники. Море не раз выносило на берег предметы современного мира, чье назначение было им не знакомо.

По рядам слушательниц прошло волнение. Послышались единичные возгласы изумления. Омега перестала плакать и подняла глаза на Альфу. Ей так не хотелось верить, что мама добровольно покинула любимую дочь, которую так ревностно огораживала от неприглядности жизни сирен.

— Поэтому, — повысила голос Альфа, — центр ввел техническое новшество. С завтрашнего дня ни одна из вас не выйдет на работу без специального браслета. В него встроен чип, заглушающий работу всех устройств в радиусе километра. Задействуется нажатием на драгоценный камень. Отключается повторным нажатием. Это опытные образцы.

Возможны сбои, поэтому используйте их на меньших расстояниях, дав возможность судам подойти ближе к скалам. Для примера браслеты первой версии были переданы группе сирен, работавших на побережье Атлантического океана. Частный самолет низко летел над водой и попал в радиус действия браслета. Результат — катастрофа. Группу пришлось в срочном порядке вывести из этой зоны, виновных наказать, а браслет отправить на доработку. Помните, что по условиям проклятия мы работаем только с тем, что движется по воде. Воздушный океан оставляем в покое! Всем ясно? Если вопросов нет, получите браслеты у Ксанфа.

Закончив, Альфа резко развернулась и, кивнув пану, покинула амфитеатр. Она спешила в офис, где дежурные составляли новое расписание смен: еще две сирены несколько месяцев не смогут выходить на скалы. Ожидалось прибавление в семействе океанид.

Вздыхнув, строгая начальница расстегнула верхние пуговицы белоснежной рубашки. Солнце начинало припекать, костюм душил Альфу, и она с тоской вспомнила, как когда-то выходила на скалы без всякой одежды. Сейчас она не могла позволить себе ни малейшей расслабленности. Строгая дисциплина и подчинение установленному порядку — вот краеугольные камни для выживания ее группы сирен.

Зайдя в офис, Альфа опять застегнет все до единой пуговицы. Служба есть служба.

Если бы чужак из внешнего мира забрел на подвластную ей территорию, он не нашел бы ничего любопытного. Ни тебе магазинов, продающих подделки для туристов, ни ресторанчика, предлагающего традиционные блюда из морских даров, ни какого другого развлечения. Все было продумано для того, чтобы не вызвать интереса туристов и властей тех стран, на побережье которых ютились типовые поселки, занимающиеся «рыбным промыслом»: несколько домов растянувшихся на единственной улице, амфитеатр, косящий под старину в дань средиземноморскому прошлому, пристань с лодочным сараем и небольшая школа. В этом же здании находился офис.

Альфа была главой всему. Она решала, как поступить с чужаком, пришедшим со стороны суши: вежливо выпроводить его обратно, дав в сопровождение пана, чтобы наверняка убедиться, что турист не захочет еще раз посетить скучный поселок, или отвести его к морю и решить проблему стандартным образом. Она определяла, какая из юных океанид готова выйти на службу. Она взвешивала угрозу и направляла на скалы определенное количество сирен, способных выполнить свой долг, не подвергая опасности оставшихся на берегу.

Если появлялись глобальные проблемы, грозившие рассекречиванием или даже гибелью океанид, решение принимал центр. Альфа помнила, как по распоряжению из центра большую группу сирен, расплотившуюся на одном из островов Тихого океана и ставшую заметной для человечества, разделили на две части: одну отправили в Сомали, другую к берегам Китая. Остров Хайнань не долго был их убежищем: смертельная волна, появившаяся в результате землетрясения, смыла новый поселок, когда сирены в полном составе пели завораживающую песнь несущемуся на них лайнеру, спасающемуся от цунами. Никто не был готов к такому повороту событий. Погибли все: и пассажиры, и сирены, и их потомство. С тех пор центр не расселял океанид в той части Тихого океана, а также на побережье Южной Америки, сильно подверженных природным катаклизмам.

Где находился мозг всех сирен, знала только старшая по группе сирен, остальным секретные знания были ни к чему. Их задача — исправно нести службу, чтобы сохранить жизнь себе и своим детям.

Прогресс не мог не затронуть племя океанид. Если раньше их прародительницы полагались на свое тело и сверх-возможности, дарованные богами, то в результате скрещивания с людьми, их способности угасали. Благодаря техническим новшествам, слабость новых океанид восполнялась благами цивилизации. Мускульная сила требовалась только в пределах места обитания, а массовое передвижение по морям-океанам происходило с помощью галер, парусников, паровых, а позже моторных судов. Океаниды оповещались о приближении опасности с помощью радиосвязи и локаторов, они не брезговали пользоваться аквалангами и ластами, если того требовала ситуация, сполна возмещающая утрату русалочьих хвостов.

— Спасибо цивилизации и прогрессу, — думала Альфа, входя в охлаждаемый кондиционером офис, за стеной которого мягко рокотал генератор, — теперь нет необходимости океанидам ютиться в гротах, пещерах и бояться покидать заводь.

Современные сирены мало чем отличались от человечества, разве что проклятие так и не отпустило их род. Но они верили, что рано или поздно, человеческая кровь полностью заменит кровь древних существ и проклятие развеется. Пока же, продолжающиеся случаи гибели соплеменниц показывали, что проклятие в действии.

Между тем в амфитеатре Ксанф продолжал раздавать браслеты, сопровождая сие действо шутками и прибаутками. Получившие браслеты слушательницы группами расходились по домам, обсуждая услышанные новости. Последней к Ксанфу подошла Омега. Он сам надел ей браслет,

притянув за руку. Пока дева рассматривала красный камень, пан прижался к ней со спины и запустил руку в вырез платья, сжав нежную грудь. Омега дернулась, но наглец обвинил ее талию другой рукой, не дав убежать.

— Малышка, ну чего кочевряжишься? — зашептал в ухо, щекоча своим дыханием и бородой. — Я опытный любовник и приятно лишу тебя девственности. Ты не почувствуешь боли, только безмерное блаженство. Для кого себя бережешь? Для чего сдерживаешься? Для сирен не существует любви. Только всепоглощающая похоть и нужда в потомстве. Думаешь, почему некоторых моряков не сразу убивают, а утаскивают к себе до утра? Они нужны для продления рода. К сожалению, здесь я пас. Мы разные виды. Да и не захочет океанида иметь козленочка вместо дочки. Но в сексе я мастер! Приходи ко мне вечером, научу играть на флейте.

Он определенно вкладывал в слово «флейта» другой смысл, так как потерялся об Омегу чем-то твердым, выпирающим через штаны.

Вдруг пан подпрыгнул и заныл от боли. Кто-то схватил его за волосы и крепко дернул.

Это оказалась Бета. Рыжая Бестия — старейшая сирена, помнящая еще времена царя Миноса. Она была самая крупная и сильная в средиземноморской группе, могла вытащить на берег двух мужиков и развлекаться с ними до рассвета, уморив в итоге безостановочным сексом.

— Ах ты гад! Кому обещал ночь? Каппе? Не ври, я все слышала! А теперь к малявке лезешь? Сегодня же моя очередь!

— Беточка, прошу, отпусти волосы! — Ксанф резко убрал все конечности от Омеги. — Ты оставишь меня лысым, и я потеряю свою привлекательность. Хотя не это во мне главное, правда, дорогая?

От участия в перепалке Омегу отвлекла наставница — миниатюрная океанида с копной темных волос, спускающихся до самых ягодиц, любящая носить белые одежды, так хорошо оттеняющие ее загар.

Она взяла подопечную за руку и потащила к своему дому, стоящему под сенью пышно цветущей сиреневой глицинии. Этот дом в поселке считался самым красивым. Утонченный вкус способной к искусствам Гаммы превратил его в уютное гнездышко, где по вечерам с удовольствием собирались любительницы петь во внерабочее время. Если на скалах они исполняли тексты, присланные из центра, то здесь они распевали мелодии, любимые человеческим миром. Они разительно отличались от их профессиональных песен: попсой моряков на скалы не приманишь. Но молодым океанидам, в венах которых с веками становилось все больше и больше человеческой крови из-за активного скрещивания с мореходами, хотелось отдохнуть под нехитрые мелодии.

Усадив Омегу за стол, накрытый искусно вышитой скатертью, наставница придвинула к ней лист бумаги и карандаш.

— Пиши, не буду повторять дважды, — Гамме не нравилось задание Альфы. Возню с малолеткой, чья мама не озаботилась подготовить дочь к жизни в социуме, наставница считала наказанием.

Столько лет она отказывалась вступать в связь с мужчинами только потому, что не хотела становиться матерью, так теперь ее насильно превратили в наседку!

— С утра тебя ждут трехчасовые тренировки по плаванию, — продолжила Гамма, отвлекшись от своих мыслей. — Потом уроки вокала и игры на инструментах. После дневного сна уроки обольщения.

— А это зачем?

— Ты думаешь, заманила корабль на скалы и мужчины вместе с ним на дно пойдут? — сарказм змеился в голосе наставницы. — Они моряки и вода их стихия! Предстоит зачаровать так, чтобы они стайкой поплыли в нужную сторону. И наконец урок, завершающий твой день — способы убийства мужчин, которые заведомо сильнее тебя.

— Разве я смогу справиться с несколькими мужчинами?

— Глупая, если их будет много, на работу выйдут все сирены. С двумя может справиться только Бета. Тебе бы одного одолеть! Но не бойся! Большие корабли здесь появляются крайне редко. Наш пост рассчитан на малые суда и одиноких рыбаков. Вот если бы попала на Бермудский, то научилась бы работать в команде, справляющейся с океаническими лайнерами. Но на Бермудах задействованы только профи. Идет жесткий отбор. Даже нашу Бету туда не взяли.

Через месяц упорного обучения Омега заметно окрепла. Плавала быстрее многих, побеждала в рукопашном бою. Знала, как погубить мужчину, доведенного чарующим пением и красотой тела до невменяемого состояния. Оставалась только практика.

Омега волновалась. Мама никогда не рассказывала ей, как происходит обольщение моряков, считая, что дочке еще рано узнать, что происходит на скалах. В их доме не приветствовались разговоры о работе, а во время обучения в школе океанид никогда не посвящали в тонкости профессии, перекладывая эту обязанность на плечи родительниц.

Накануне смены Омега почти не спала, переживая, все ли она сделает правильно, не обернется ли какая-нибудь ее оплошность крахом для всей группы сирен.

В первый раз новенькая вышла на работу с Бетой и Гаммой. Когда наставница ее увидела у назначенного места — лодочного сарая,

сокрушенно покачала головой. Омега надела спортивный купальник, а волосы скрутила в тугой узел.

— Ты куда так вырядилась? — спросила Бета, снимая темные очки. Кроме них на ней ничего не было.

— На задание, — проямлила Омега и покорно опустила голову.

Гамма резкими движениями начала вытаскивать из ее волос шпильки.

— Плохо ты ее подготовила, подруга, — сказала Бета, пристраивая очки в сумку, из которой выпал на песок тюбик со средством от загара, — дресс-кода не знает. Какая форма одежды у сирен, а? Купальники фирмы «Адидас» или «Пума»?

Она подняла тюбик, откинула крышечку и выдавила на ладонь белую массу. Потом быстрыми движениями стала тщательно растирать крем по роскошному телу.

Омега начала лихорадочно искать бирку на своем купальнике. Но ойкнула, когда наставница, больно выдернув последнюю шпильку, наконец распустила ее волосы.

— Не вертись. У сирен нет формы одежды. Нагота и распущенные волосы — вот наш дресс-код уже сотни лет. Неужели мама не рассказывала? Снимай купальник! Поторопись. Разведка донесла, что приближается плавсредство с двумя мужчинами.

Босые ступни сирен оставляли четкие отпечатки на песчаном берегу, куда море выносило всякую мелочь. Глядя себе под ноги, чтобы не наступить на острый край разбитой раковины, Омега заметила наушники. Теперь она знала, для чего применяют тоненькие проводки с горошинами на концах. Нырнув следом за подругами, она уверенными гребками поплыла к ближним скалам. Иногда судно приближалось с западной стороны, тогда сиренам приходилось пользоваться надувными лодками с моторами, чтобы быстрее добраться до дальних скал.

Когда до места, где разместились сирены, моторной лодке оставалось менее пятидесяти метров, Омега заученным движением нажала на камень браслета. Шум двигателя стих. Все три девушки, красиво нырнув со скалы, поплыли к дрейфующей посудине.

Пока рыбаки, бросив попытки завести мотор, вставляли весла в уключины, сирены окружили лодку. Бета легко качнула ее с кормы.

Мужики, в испуге ухватившись за борта, оторопело уставились на улыбающуюся красавицу.

— Эк, откудава такая рыжуха взялась, — удивившись, крикнул старший по возрасту. — Никак помочь нужна?

— Безграмотный мужлан, — буркнула Гамма, подплывая к носу.

Повиснув на нем, с силой дернула лодку. Вставший было молодчик, рухнул вниз, ударившись о край скамьи. Свое недовольство он выразил смачным бранным словом.

Бета в это время перебралась к нему ближе и, подпрыгнув, облокотилась на борт, свесив свои полные груди у лица упавшего. От этого лодка опасно накренилась и черпнула воды. Старик, не удержавшись, рухнул в воду, окатив брызгами напарника. Тот же ничего не замечал кроме розовых сосков Рыжей Бестии.

По знаку наставницы Омега запела. После уроков и специальных упражнений в ней открылся талант, доставшийся когда-то сиренам от Терпсихоры. Голос ее был чист и красив, модуляции сводили с ума и заставляли забыть об опасности. Поэтому старик, попавший в объятия черноволосой красавицы, не произнес ни звука, с блаженным выражением лица ушел с ней под воду.

А Бета, забравшись в лодку, опустилась на колени возле молодого парня. Ласково провела ладонью по щеке и, наклонившись, нежно поцеловала в губы. Потом еще раз и еще.

Молодчик, очарованный пением, тоже включился в любовную игру — жадно отвечал, не замечая, что уже лишился рубахи, а ремень, звякнув на прощание пряжкой, змеей ушел под искрящуюся на солнце воду. Все больше распаляясь, начал стаскивать с себя сапоги, брюки, не упуская при этом возможности сжать рукой то грудь девы, то крепкую ягодицу.

Омега, поразившись происходящему, резко оборвала песнь.

Рыбак тут же пришел в себя. В недоумении огляделся. Обнаружив отсутствие одежды, выругался и быстро прикрыл большой ладонью причинное место. Правда, у него это плохо получилось — не исчезнувшее возбуждение сильно мешало.

Наставница, всплывшая уже без старика, шлепнула ученицу по лбу и тут же подхватила оборвавшуюся мелодию. Мужчина, словно по мановению волшебной палочки, продолжил страстный танец с нагой девицей, которая успела зло глянуть на Омегу.

Смущенная Омега хотела уплыть, но Гамма задержала, пропев слова, которые отсутствовали в песне изначально:

— Неужели не хочешь познать ты, как приятны мужчины объятья?

Если даже не будет дитя, с ним увидишь ты звезды средь дня!

Наставница подтолкнула Омегу к лодке и заставила усесться на корме.

Сначала новенькая испугалась — она никогда не видела интимных встреч. Но потом, поддавшись завораживающему ритму движения нагих

тел, почувствовала растущую волну возбуждения. И уже не могла оторваться от созерцания действия бесстыдно отдающихся друг другу и щедро делящихся наслаждением любовников.

Мужчина прикрыл глаза. Наездница, сидящая на нем, резко поднималась и опускалась, выгнувшись в спине и разметав подсыхающие на ветру волосы. Каждое оседание сопровождалось стонами. Лицо Беты покраснело, на лбу и верхней губе появились капельки пота. Ягодицы со звуком хлопали о твердое тело рыбака. Его руки гладили груди прелестницы, сжимая до красноты тугие соски грубыми от работы пальцами.

Видимо, боль доставила Бете острое наслаждение. Она, резко наклонившись, простонала:

— Укуси! Сильнее!

И он немедленно выполнил необычный приказ: прикусил подставленный сосок. Рыжая протяжно ахнула. Мужчину подстегнул этот звук, и он, намотав шелковые волосы на руку, притянул лицо девы для глубокого поцелуя.

Бета не отставала от своего партнера. Не переставая двигаться, она щипала, кусала, целовала возбужденного молодчика. В одно мгновение он скинул разгоряченную деву и подмял под себя, удобно устраиваясь между ногами красавицы, поглаживая и целуя ее пухлые бедра.

Прерванный танец возобновился. Их тела, на которых цвели яркие следы неумной страсти, блестели на солнце от водных брызг и пота. Опытная дева управляла ритмом, подгоняя ударами розовых пяточек. Ее руки с перламутровыми ноготками то обхватывали шею мужчины, притягивая к себе для очередного поцелуя, то толкали от себя, чтобы выгнуться и подставить его губам дерзко торчащий сосок, то появлялись на талии, чтобы пройтись плавным движением по спине любовника.

Оба партнера в движении были прекрасны: белокожая дева с огненно-рыжими волосами и ее загорелый любовник, замороженный пением сирены и подчиненный сладким переливам мелодии. По позвоночнику мужчины медленно сползали капельки пота, исчезая между полушариями ягодиц. Мышцы под кожей бугрились, а кровавые царапины, оставленные ногтями Рыжей Бестии, исполняли свой волнообразный танец.

Крик восторга сирены слился с гортанным стоном мужчины. Сделав еще несколько движений, он устало повалился на довольную красавицу, не выходя из нее.

Увиденное так возбудило Омегу, что она, почти одновременно с любовниками, ощутила невероятно сильную сладостную пульсацию между

ног.

Теперь Омега знала, что значит увидеть днем звезды.

Испугавшись этого неожиданного эффекта, она прыгнула в воду и быстро поплыла к берегу.

А за ее спиной разыгрывалась трагедия. Затопленная лодка уходила на дно моря вместе с лежащим в ней рыбаком, на лице которого застыла улыбка, а глаза смотрели в бесконечное синее небо. Он был счастлив.

Песнь Гаммы стихла.

Ночью Омега никак не могла заснуть. Картина соития мужчины и женщины стояла перед глазами. Возбужденная дева ворочалась в постели, сминая белые простыни. Сведя ноги, она опять почувствовала сладостный импульс. Найдя пальцем место, откуда он исходит, осторожно погладила. Оно немедленно отреагировало — продолжай!

Почему-то вспомнилось, как пан дышал ей в ухо, как его теплая рука сжимала грудь и теребила напряженный сосок. Омега осторожно потянула за сосок. Тело отозвалось. Охнув от неожиданности, стала ритмичнее нажимать на чувствительную точку между ногами. Представив молодого рыбака, который нежно целует тело, а потом, закинув ноги на свои плечи, плавно входит в нее, Омега забилась в сладостных конвульсиях.

Придя в себя, Омега поняла, что в ней проснулась женщина и она страстно желала мужчину. Загляни к ней сейчас Ксанф, она, не задумываясь, пригласила бы его в кровать!

Утром Омега вышагивала по дому из угла в угол. Прав был пан. Сирена, вкушившая блаженство, будет стремиться получить его любым способом. Но где взять мужчину? Ее смена будет только через два дня, и никто не гарантирует, что на горизонте появится судно. А Ксанф, как специально, уехал в город за новыми музыкальными инструментами и собирался задержаться там, чтобы выполнить заказы сирен.

Океаниды не могли покинуть побережье. На это было наложено табу. Передвигаться они могли только вдоль берега, удаляясь от него не более чем на сотню метров. Еще в школе им объясняли, что нарушение правила грозит смертью.

— Представьте себе, — говорила учительница по физкультуре, — кто-нибудь из вас решит пройтись по магазинам в ближайшем городке. А в это время будет объявлена всеобщая мобилизация из-за приближающейся к скалам на всех парусах крупной яхты. Как быстро вы сможете оказаться на берегу? А стометровку вы пробежите за шестнадцать секунд, — взмахнув сигнальным флагом, она включала секундомер, и маленькие океаниды старались уложиться в заданный норматив.

У каждого поста океанид был свой пан, с удовольствием выполнявший все их прихоти. Особенно сексуальные. В этом состояла его работа. Приятная, скажем так. Если группа была большая, такая как на Бермудах, там служило несколько похотливых панов.

От сексуального сумасшествия Омегу спасла наставница. Она ворвалась с известием, что к берегу приближается стометровая яхта с множеством пассажиров на борту, поэтому объявляется общий сбор. Если судно пройдет мимо, жизни лишаться все сирены. На скалы выйдет даже Альфа, что говорило о серьезности происходящего события.

Через полчаса обнаженные девы облепили опасные скалы. Все всматривались в горизонт, на котором только что появилась белая точка. Еще существовала вероятность, что судно свернет и не достигнет той границы, после которой сирены обязаны начать действовать. Но нет. Судно упорно приближалось. Пройдена точка невозврата. Теперь в живых могла остаться только одна из сторон: океаниды или пассажиры красавицы яхты.

По аварийной инструкции, которую все в группе знали наизусть, отмашку к атаке должна дать старшая. Альфа застыла с белым платком в руках, который яростно теребил утренний ветер. Как только яхта пересекла нужный рубеж, платок резко упал вниз. Бета нажала на камень, активизирующий чип на браслете, и на судне произошла остановка двигателей. Смолкла гремющая музыка. Нестройный хор пассажиров, протянул недовольное «О-о-о!».

Сирены слаженно затянули завораживающую песнь, подыгрывая себе на музыкальных инструментах, издающих дивные звуки. Люди стали выходить на палубу. Сначала они застывали, вслушиваясь в красивые голоса. Потом неведомая сила заставляла их перебираться через ограждение и шагать за борт. Лица пассажиров выражали восторг и блаженство. Бурное течение тут же подхватывало тела и утягивало в морскую пучину. Вскоре на поверхности воды покачивались только дамские шляпки и прочие мелочи мирской жизни, удерживающиеся на плаву.

Через некоторое время, когда оперативная группа обследовала яхту и подала сигнал, что все чисто, Альфа опять взмахнула платком и хор сирен замолчал. На лицах многих читалось разочарование. Они ожидали боя, адреналин еще бурлил в крови, а быстро завершившаяся операция походила на прогулку на свежем воздухе. По одной девы стали покидать скалы.

Бета задействовала чип на браслете, и на яхте включились двигатели. Течение уже развернуло судно в нужную сторону, и оно понеслось к другим берегам, чтобы найти там свой конец. А в газетах, которые скоро привезет пан, появятся сенсационные сообщения, что яхта такого-то миллионера потерпела крушение. И всех будет мучить загадка: куда делись пассажиры?

Обычно океаниды, служащие в больших группах, обирали суда. Драгоценности, деньги, произведения искусства — все шло на нужды разбросанных по свету сирен. Но если крупное судно попадало в пункт, который работал малым составом и не был предназначен для сложной операции, следовало придерживаться инструкции: не терять время, направить судно подальше от поста.

Задумавшаяся Омега вскоре обнаружила, что осталась на скалах в одиночестве. Посидев еще немного и покидав камешки в воду, она собралась возвращаться домой, но услышала слабый голос, доносившийся снизу. Кто-то просил о помощи!

Быстро спустившись, Омега обнаружила парня, зажатого между скалами. Высокие волны отнимали у захлебывающегося последние шансы на жизнь. Океанида прыгнула в воду и, изловчившись, когда волна слегка приподняла тело, вытянула его на морской простор.

Мужчина оказался крупным, и под его весом Омега пошла ко дну. Но вдруг почувствовала, что его рука схватила ее за волосы и вытянула на поверхность. Мощными гребками мужчина поплыл к берегу, таща на буксире нагую девицу.

Он ее спасал! Осознание этого обескуражило Омегу. Она решила не сопротивляться. Сирена же всегда сумеет отправить мужчину на тот свет? День только начался и у нее есть сутки, чтобы решить все проблемы.

С трудом вытащив девицу на берег, обессиленный пловец, едва отдышавшись, прильнул к ее холодным губам и со всей силы дунул в рот. Потом нажал несколько раз на грудную клетку.

Омега подумала, что сейчас ей сломают ребра, поэтому, когда мужчина опять прильнул к губам, обняла его и поцеловала. От неожиданности он замер. Потом, приподнявшись вместе с вцепившейся в него утопленницей, снял с себя ее руки и внимательно осмотрел. Сидящая перед ним девица выглядела необыкновенно привлекательно! Широко распахнутые голубые глаза, румянец стыда на гладкой загорелой коже, светлые волосы, спускающиеся до самых ягодиц, и груди. Все! Его взгляд замер на этих чудесных округлостях с маленькими розовыми сосочками. Дева невольно прикрыла их ковшиками ладоней. Мужчина смутился и опять перевел

взгляд на лицо. Красавица улыбалась. На щеках появились ямочки, пухлые губы обнажили белоснежные зубы.

Дева медленно поменяла позу — встала на колени и потянулась к мужчине. Провела ладошкой по щеке, потрогала ямочку на подбородке, описала пальчиком контур губ. Он ухватил ее ладонь и поцеловал в самый центр, немного задержав там губы. Потом игриво лизнул языком. От неожиданности Омега сомкнула ладонь, словно поймала поцелуй в кулачок.

Она была в восторге! Ее мечта исполнялась! Рядом с ней находился мужчина, который только поцелуями всколыхнул все чувства. Мокрая ткань одежды рельефно облепила его тело, и при каждом движении под ней вырисовывались тугие мышцы. Распахнутые половинки рубашки, на которых не осталось ни одной пуговицы, открывали безволосую грудь с коричневыми сосками и плоский живот, внизу которого курчавилась полоска темных волос. Опустив глаза, Омега увидела, как сильно натянулись брюки в том месте, где полоска волос уходила за пояс. Она уже понимала этот признак сексуального возбуждения.

Открытие доставило океаниде большое удовольствие. Это первый мужчина, так явно желающий ее, и которого безумно хотела она. Теплая волна, зародившаяся внизу, прошла по телу и заставила сильнее биться сердце. Омега только взглянула в эти чудесные карие глаза с крапинками солнечного янтаря и тут же утонула в них. А она думала, что сирены не тонут!

Мужчина, находящийся во власти красоты обнаженной незнакомки, забыл, кто он и как оказался на берегу. Как Адам, вкусивший запретный плод, жаждал обладать Евой, так и он не мог справиться с сексуальным влечением к необыкновенной девушке.

«Ева», видимо, вкусила того же плода, поэтому перебралась к нему на колени и жадно поцеловала, прильнув к его груди ноющими сосками. Ей хотелось целовать этого мужчину, ощущать вкус его твердых губ, языка, который так умело вступил в игру, трогать руками влажные волосы, пахнущие морем, гладить под белой рубашкой сильные плечи, так надежно закрывающие от всего мира.

Когда отстранилась, чтобы набрать в легкие воздуха, увидела, что мужчина смотрит с нежностью. Дрожащими от невероятного возбуждения пальцами, он убрал прилипшие к ее лбу волосы и поцеловал каждый глаз.

— Кто ты? — выдохнул он.

Омега, враз забыв свое кодовое имя, назвала истинное — Эвридика.

Мужчина, решив, что девушка дразнит его, улыбнувшись, ответил:

— Тогда я — Орфей. — И продолжил приятное занятие.

Утренний ветер зашуршал песчинками вокруг целующейся пары и игриво подогнал к ним пенную волну, постаравшуюся их разъединить. Возвращаясь к морю, волна потянула за собой песок, лишив опоры и опрокинув любовников навзничь. Но они ничего не видели кроме друг друга. Набегающая волна путалась в ногах — мужчина лежал на девушке и продолжал страстно целовать. А Эвридика, подхватываемая очередной волной, ощущала на себе не только руки Орфея, но и ласковые движения воды, то приподнимающие ее, то утягивающее в море с мириадами песчинок. Еще одна сильная волна — и оба оказались погруженными в море. Это заставило разъять объятия.

Всплыв, Орфей почувствовал, что рубашка сползла и держится только на манжетах. Блеснули запонки и быстро ушли на дно — мужчина их выдернул и, сняв рубашку, зашвырнул ее на берег. Следом полетели брюки, с которыми справиться оказалось труднее. Пришлось дважды уйти под воду, но ловкие пальцы девы помогли расстегнуть ремень.

Обнаженные, они опять прильнули друг к другу. Поцелуи становились все более жаркими, объятия тесными. Море, получив в плен оба тела, затихло, успокоилось, словно предоставило ложе для любовного таинства. Дева обвила шею мужчины и зарылась пальцами в мокрые кудри. Руки Орфея заскользили по ее стройному телу, очертили окружности груди, потом пересекли спину и спустились к упругим ягодицам, но недолго задержались там. Скользящими движениями мужчина добрался до треугольника светлых волос и его чуткие пальцы, раздвинув складочки, дотянулись до нежного места.

Эвридика вздрогнула и напряглась.

Он почувствовал и удивленно посмотрел ей в глаза:

— Первый?

— Да, — шепотом подтвердила она.

Улыбнулся и мелкими поцелуями прошелся по ее лицу, а затем, легко приподняв Эвридику, взял в рот и поиграл языком с каждым из сосков. Дева застонала от наслаждения. Обхватила его ногами и откинулась, позволив поддерживать за ягодицы и целовать тело, на котором вскоре заалели следы настойчивых губ. Поцелуи были страстными, чувственными, заставляли хотеть большего.

Море — родная стихия — помогало, ласкало и поддерживало, словно второй партнер. Распалившись от поцелуев, океанида поняла, что готова принять его.

Орфей осторожно направлял деву. Когда стало больно, Эвридика

потянулась к губам любовника, тот ответил глубоким поцелуем. Погрузившись в нее полностью, дал ей отдохнуть, привыкнуть, а потом начал осторожные движения. Эвридика опустила голову на его плечо и отдалась миру новых ощущений. Волны кругами расходились от тел, исполняющих танец любви. И вскоре Орфей, издав протяжный стон и крепко сжав бедра партнерши, резко вошел в последний раз. Океанида почувствовала его мощную пульсацию.

Сползя с Орфея, она стояла на трясущихся ногах и не понимала, когда успела так ослабнуть? Внизу щипало от соленой воды, хотелось плакать от избытка чувств, которые не выплеснулись, а скрутились в ней тугой пружиной. Каждое прикосновение любовника, начавшего нежно омыwać ее там, где побывал недавно, было сродни прикосновению к оголенным нервам.

Орфей поднял доверившуюся ему красавицу на руки и вышел из воды. Уложил ее на песок и навис над ней, медленно покрывая дрожащее от возбуждения тело поцелуями. Задержавшись над сосками и получив ответный стон, провел рукой по внутренней части бедра Эвридики. Приблизившись к чувствительному месту, погрузил в него пальцы. Девушка втянула воздух через сжатые зубы. Улыбнувшись, Орфей продолжил начатое и, нащупав чувствительный бугорок, стал его поглаживать. И когда Эвридика забилась в сладких судорогах, прижал к себе и долго не отпускал, покрывая поцелуями милое лицо.

Как они оказались в ее комнате, Эвридика не помнила. Разум затуманили бесконечные поцелуи, которыми они с радостью обменивались по дороге домой. Проснулась она в своей кровати, рядом лежал Орфей, чья рука покоилась на ее голом бедре. Он дышал размеренно и улыбался во сне. За окном опускалось солнце.

У океаниды заняло сердце. День кончался, осталась лишь ночь. Что делать?

Сейчас, рассматривая спокойное лицо Орфея, она не могла представить, что до рассвета он умрет. Как можно убить человека, который принес счастье, был нежен и добр? Который так хорошо целуется?

Эвридика потрогала губы. Они припухли. Захотелось поцеловать Орфея, чтобы опять испытать болезненное наслаждение, и она прильнула к нему. Мужчина, не открывая глаз, обнял ее и тут же включился в любовную игру.

Орфей был неутомим и изобретателен. У Эвридики болело все тело. Кожа горела от поцелуев, чьи багряные следы долго будут напоминать о

необыкновенном любовнике. И эта боль была ей приятна.

Эвридика опять и опять возбуждала Орфея, чтобы насладиться им в очередной, но, как думалось ей, в последний раз. И когда уже изможденные продолжительным марафоном они раскинулись на измятых простынях, Эвридика поняла, что не сможет убить Орфея. Она любила.

— А пан говорил, что океанида не может любить, — с грустью прошептала она.

С нежностью посмотрев на засыпающего Орфея, Эвридика решила.

Да, она отпустит его! Даже ценой своей жизни.

А мужчина мирно спал, не подозревая, что решается его судьба. Эвридика смотрела и смотрела на любимого, запоминая каждую черточку лица, каждую морщинку. Она представит это лицо, когда первые лучи солнца дотронутся до ее кожи и сердце перестанет биться.

«Как быстро прошла ночь, как мало отпущено времени!» — подумала океанида и посмотрела в окно. На улице серело утро.

Пора! Орфей должен покинуть ее еще до рассвета. С восходом солнца сирена не сможет защитить любимого, ее просто не будет. Поэтому он должен уйти сейчас.

Поцелуем разбудила мужчину. Он подмял ее под себя, но девушка высвободилась, прошептав:

— Ты должен уйти. — Увидев его непонимающий взгляд, пояснила: — Ты должен покинуть этот берег до восхода солнца, иначе окажешься в опасности. Просто поверь.

Он поверил. Быстро поднялся, не найдя одежды, завернулся в простыню.

Эвридика вывела его на берег, где валялись его уже подсохшие вещи. Подождав, пока Орфей застегнет брюки, указала рукой на лодочный сарай.

— Нам туда.

Когда они дошли до пристани, где на волнах болтались лодки, в глазах Эвридики стояли слезы. Заметив их, любимый наклонился и, прежде чем поцеловать, спросил:

— Я обязательно должен уйти?

Последовал кивок и нежный поцелуй. Последний.

— Я могу вернуться?

— Нет.

— Пойдем со мной!

— Не могу. Уходи. Время! — И с тоской посмотрела туда, где должно появиться солнце. — Ты должен успеть отплыть подальше, иначе умрешь.

— А ты?

— Уходи! — Эвридика уже кричала. — Уходи, слышишь? Смерть идет за тобой по пятам!

Уже стоя в моторной лодке, которая покачивалась на волнах, удерживаемая лишь тросом, любимый протянул ей руку:

— Поехали вместе, я смогу тебя защитить!

Океанида отрицательно покачала головой и сунула ему в открытую ладонь наушники, которые подобрала на берегу. Ночью, продумывая план побега Орфея, она вспомнила, где видела их.

— Надень и не снимай, пока не доберешься до людей. Это важно! Поможет сохранить жизнь. Откажет мотор, греби веслами. Но не возвращайся! Ты здесь не нужен. И, да — все твои спутники погибли! Все. Мы их убили.

Но он все еще сомневался, не верил.

— Орфей! Тебя убьют, если вернешься! Слышишь!

И, сняв трос, оттолкнула лодку.

— Меня зовут Константин, — бросив последний взгляд на девушку, тихо произнес мужчина. Его лицо помрачнело, глаза погасли, Устроившись на сиденье и не произнеся более ни слова, он вставил в уши узелки телефонных наушников, завел двигатель и направил лодку в море.

Океанида вглядывалась в удаляющуюся фигуру, но мужчина ни разу не обернулся. Вскоре лодка превратилась в небольшое пятно, а потом и его стало невозможно разглядеть в бликах моря.

Солнце медленно поднималось над горизонтом. Сирена закрыла глаза.

Ей не было страшно. Главное — любимый будет жить.

— Ну же, солнце! Я жду!

* * *

— И долго она будет стоять на берегу? — спросил Ксанф, опуская бинокль.

— Пока не поймет, что не умрет.

— И что тогда? Омега быстро сложит два и два: она жива, значит, его нет.

— Поэтому, пан, я вызвала тебя. Не отойдешь от нее ни на шаг, не дашь наделать глупостей. Ну и утетишь. Ты знаешь, как. Не впервой.

— Думаешь, она забеременела?

— Надеюсь, поэтому и дала им время. Омега должна была потерять невинность и забеременеть. Я не хотела, чтобы первым у Омеги был

мужлан. А у этого парня хорошие гены. Родится умная и красивая океанида.

— А если мальчик?

— Не задавай дурацких вопросов, у океанид не бывает мальчиков. Скажем так, они не выживают.

— Альфа, ты стерва.

— Поэтому моя группа жива до сих пор. Девчонка не понимает, что могла погубить всех нас. Скажи Гамме, чтобы еще раз заставила Омегу выучить инструкцию: если судно встречает группа сирен, ни единый человек не должен выжить, иначе гибнет вся группа.

— А вон и Гамма с Бетой подплывают. Рисковая парочка! Управились на девятисотом метре. Нервишки себе щекочат.

— Добалуются. Переведу их в другой пункт, где смертность океанид высокая, посмотрим тогда, как вести себя будут.

— Ну, я пошел успокаивать. До Омеги уже дошло. В истерике бьется. Эх, глупенькая океанида!

История четвертая

Я — Тарт Крез

Я — юный черепах, меня зовут Тарт, и живу в большой и дружной семье. Наш род берет свое начало еще от черепахи Тартиллы, той самой, что в маразме отдала золотой ключик парню, который был глуп, как пень. Нет, я напутал... Он сам был пнем. Точно! Вспомнил! Он был поленом!

В нашей семье бережно хранят все легенды о черепашьем народе, передают их из уст в уста. И есть, чем гордится! Благодаря нашей смекалке, умению приспосабливаться в этом мире, мы все носим звание «мудрые». Та самая пра-пра-черепаха так и называлась — Мудрая Тартилла. Вот, судите сами и можете попытаться опровергнуть меня. Мы настолько мудры, что все свое носим с собой, даже дом! И все последователи, ну, типа, улитки, взяли пример с нас. Почему с нас? Мы первые появились в этом мире, пережили гибель динозавров, загнувшихся от раздутого самомнения. Или раздутого тела? Не важно! Главное, что я здесь и говорю с вами, а где эти гиганты? Украшают своими костями музеи мира.

Этот же мир спорит, кто появился первым курица или яйцо? Авторитетно заявляю — первыми появились мы и наши яйца! Почему? Смотри пункт моего объяснения про динозавров. Если мы жили еще при них, то птицы появились гораздо позже. Загляните в интернет, кто из нас старше? Ну что? Убедились? И еще есть выражение про пернатых, помните? «Яйца курицу не учат!» Почему? Потому, что учим мы! Вернее, научили глупых птиц нестись.

Еще есть мнение что ворона птица мудрая. Не согласен. Вспомните, как одна из них проворонила кусок сыра, доставшийся крыловской лисе? А эти красавцы Карл и Клара? Вор и воровка. Где здесь мудрость? Растяпы.

И про кого из откладывающих яйца говорят, что они мудрые? Про крокодилов? Нет!

Есть парочка исключений, признаюсь. Это, например, филин. Но кто возвел его в ранг «мудрые»? Люди и передача «Что? Где? Когда?».

Второе исключение, но тоже по воле человека по фамилии Киплинг. Он отнес к числу мудрых ползучих гадов — змей. Мудрый Каа... Тьфу!

И все равно, в этом ряду самыми мудрыми по праву считаются черепахи. Эта парочка, о которых я упомянул — хищники и в поте лица добывают себе пропитание, нам же достаточно травки, а при

неблагоприятных условиях мы впадаем в спячку.

И еще мы являемся символом долголетия. Так что нет нам равных!

И, наконец, контрольный выстрел! Вспомните, на ком держится мир, по мнению древних человеческих мудрецов? Правильно, на черепахе! Я убедил вас в нашей исключительности?

А теперь, правда. Я — дурак! Нет, не в том смысле, что идиот. Дурак, потому что влюбился в зайчиху. Теперь понятно? Но как можно не влюбиться в эти чудные ушки, которые в солнечный день светятся мягким розовым светом? А этот носик, который дрожит от возбуждения, когда я рядом с ней? А эти чудесные глазки? А этот мягкий и пушистый хвостик? Она прелесть! И имя у нее прелестное — Ми-Ми-Ми...

Я просто был опрокинут, когда увидел ее впервые! Она же и помогла вернуться в прежнее состояние — перевернула меня. А потом понюхала своим чудесным розовым носиком. Я застеснялся голого хвоста и спрятал его под панцирь. Но она хихикнула и ударила нежной лапкой по моей спине. Вы же знаете, что все зайцы любят барабанить? Она тоже была знатная барабанщица и, когда панцирь издал волнующий звук, замерла. Попробовала еще раз, и опять этот волшебный звук. Так мы и полюбили друг друга, встречались каждый день, и она исполняла на панцире необыкновенные мелодии, а мое сердце билось в такт этим звукам, отбиваемым прекрасной лапкой...

Но о нашей любви узнали и старались разлучить. Мне говорили одно — негоже, мол, древнейшему роду Тартилл соединяться с Косыми. Это фамилия у зайныки такая. Сколько слез пролила она! Глазки покраснели, как у какой-то крольчихи! Я замкнулся, ну, то есть спрятался в своем панцире и объявил голодовку. Мои не особо обратили на это внимание, мы можем не есть очень долго, но на любимую это подействовало, слез стало еще больше. Я понял, как она сильно любит меня и решил найти выход из этой ситуации.

Родичи моей Ми-Ми-Ми кичились тем, что они не ползают, как черепахи, а бегают с такой скоростью, что аж ветер прижимает уши к спине и спинка вытягивается с лапками в одну струну. Короче, уязвили меня. И я решил бросить вызов. Бросил я его утром, а на переговоры дополз к закату солнца. Старейшина ее рода (тот самый неудачник, который слезы лил, пустив квартирантку лису, и быстро оказался выписанным из своего лубяного домика) уже поджидал меня и ехидно улыбался, постукивая лапкой в нетерпении. Вокруг него толпилась прочая родня, а зайныка опустила глазки, видимо уже наслушалась насмешек в мой адрес, пока я преодолевал последние метры до места встречи.

Гордо вытянул шею и произнес: «Вы кичитесь тем, что быстро бегаете? Я хочу заключить пари, что обгоню и встречу вашего бегуна на той стороне озера! Наградой будет лапка вашей Ми-Ми-ми!» Все в ужасе отшатнулись. Они прекрасно знали о кроличьей лапке, приносящей якобы удачу, и которую носят в качестве талисмана отдельно от тела кролика, и поразились моей кровожадностью. Но я успокоил их, что просто прошу руки моей зайчатки, то есть лапки. Женская часть вытирала слезы умиления, мужская же стала морщить свои носы, мол, бедная зайчатка, какой урод ей достанется, да и в сексуальном плане нас, зайцев, никто переплюнуть не сможет! Ну, вы знаете, чем гордятся обычно мужчины, особенно Косые.

Особо brave бегуны стали выпячивать грудь и бить в нее лапами, что легко справятся с такой задачей — обогнать эту наглую черепаху! В виду сто процентной уверенности, мы ударили по рукам, простите, оговорился — по лапам, и довольные разошлись по своим домам. Собственно, я просто вытянул лапы и голову под панцирь.

Если вы, милые дамы, вспомнили в этот момент, что есть такая сказка, как зайцы взяли на слабо моих родственников и те обманули Косых, просто подменив героя, то фи вам! На дворе двадцать первый век! И зайцы тоже прекрасно помнят позорную историю и выставят дозор, чтобы мой родственник не засел в кустах. Для справки — это для Косых мы все на одно лицо, как для вас китайцы. Реал другой. А потом, вы же помните, что мои были против? Род Тартилл самый мудрый и древний и нам негоже бла-бла-бла...

Короче, помогать никто не будет. И не надо. Как было упомянуто, двадцать первый век на дворе, в лесу туристы чего только не оставляют, да и мозгами, слава, Леонардо да Винчи, и лапами пользоваться умеем — я соорудил механическую катапульту, еще до того, как бросил вызов. И координаты финиша определил не случайно — в самом узком месте озера, там небольшой перешеек и по моим расчетам, его легко перелечу, выпущенный из пращи одним движением лапы!

Ну что вам сказать, мои друзья? В день Икс я честно взял старт. Все Косые собрались у финишной черты, для того чтобы искать по кустам моих родственников. Я же спокойно выкатил установку из кустов, залез на место пилота, одним движением, как и обещал вам, нажал на пусковую кнопку и сказал: «Поехали!» Ну, и чтобы не выбрасывать слова из песни, взмахнул рукой, то бишь лапой.

Не могу описать чувство восторга, охватившего меня во время полета! С такой скоростью не передвигался ни один из черепаших родственников, да что там, ни один из будущих родственников семейства Косых! Жаль, что

не могу рассказать, как за спиной развевались волосы или что мир превратился в цветную ленту! Я сгруппировался, поэтому ничего не видел.

Спрашиваете, не больно ли было приземляться, и не треснул ли от такой скорости панцирь, когда он жажнул о землю? Нет. Я приводнился и широкими скачками долетел до берега. Вы же наблюдали, как пущенная галька скользит по воде, отталкиваясь от ее поверхности? Я все рассчитал. Вы же не забыли, из какого я рода?

Вы бы видели глаза родственничков, когда я с травинкой, зажатой в зубах, встретил их представителя на финишной черте! Лениво пожевав, смачно сплюнул ему под ноги; «Амиго, нельзя ли побыстрее? Думаешь, ты такая важная персона, что весь мир подождет?»

Ха! После этих слов, у кичливой братии был такой вид, что, сразу подумалось — им пора менять фамилию на более звучную — Суперкосые!

Триумф победы и лапка зайньки были мне наградой! Невеста, сияя от счастья, стыдливо припала на передние лапки и протянула ко мне, дрожащий от переполнявших ее чувств, носик.

Что там у вас, людей, кричат? Горько? Не правда! Сладко, нежно, чувственно. Я намного старше всех Косых вместе взятых даже в своем юном возрасте, поэтому знаю, как обращаться с красивыми женщинами. Вы, наверное, согласитесь со мной, что здесь скорость не главное? Или у кого то мужья происходят из рода Косых? Сочувствую.

Простите, опять отвлекся. Зажили мы с зайнькой дружно и безбедно. Успешно реализовывал свой проект, превратив его в аттракцион «Жажда скорости», и вся родня и прочие, кто хотел испытать стремительный полет, стояли в очереди на катапульту.

Итак, кроме того, что я подтвердил звание мудрейших, стал еще и богачейшим, за что получил кличку «Крез». А что? Тарт Крез — неплохо звучит.

Моей зайньке тоже понравилось пользоваться катапультой — кипящий в крови адреналин делал нашу жизнь качественнее. Для любимой Ми-Ми собрал вторую машину на той стороне озера. Не хотелось терять ни минуты из семейной жизни. Ожидание, пока она добежит назад, терзало. Вдруг с ней что-то случится, а я не успею помочь? Разгоряченная женщина, конечно, хороша, но уставшая, с высунутым на бок языком? Нет, моя избранница достойна лучшего! Я буду баловать ее бесконечно. Жаль, что зайцы так недолго живут. О, мой бог! А вот над этим нужно подумать!

Мне придется оплакивать любимую? Ну уж нет! Не собираюсь говорить банальное: мы будем жить счастливо и умрем в один день. Я скажу короче — мы будем счастливы. На счет второй половины фразы

ответу еще короче — не дождетесь! Никто из-за терзаний по поводу ушедшей раньше меня супруги не наложит на себя лапы (я просто не дотянусь до своей шеи). Просто решу эту проблему по-иному — придумаю, как удлинить жизнь мадам Крез.

Может ограничить ее движение?

Ура! Родилась гипотеза!

Если рассмотреть взаимосвязь «скорость — долголетие» на примере семейств Тартилл и Суперкосых (поменяли таки фамилию, кичась нашим родством), то получается следующее:

Низкая скорость = долголетие, высокая скорость = короткая жизнь.

Никто спорить не будет?

Вывод: зайцы прожигают свою жизнь.

Ну, что же, есть чем заняться в ближайшее время! Обдумаю, как сделать зайцев долгожителями.

А пока, пойду, поэкспериментирую над тещей.

История пятая

Кто так фальшиво поет?

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был принц. Славился он умом, обширными знаниями, да и внешностью такой, что дамы, увидев его, замирали от восторга. Но к общему разочарованию — терпеть не мог музыку. Откуда такая нелюбовь пошла, никто не знал. Ходили догадки, что в детстве его заставляли музицировать чрезмерно, пытаясь исправить врожденное отсутствие слуха, но преуспели только в том, что принц музыку возненавидел и даже пригрозился, став государем, запретить ее вовсе.

Вот однажды, вернувшись под утро от очередной чаровницы, он пытался заснуть, но никак не мог — кто-то пел у озера! Послал он слуг разобраться, а они, как в воду канули, ни сами не возвратились, ни певунью не уняли. Рассердился принц не на шутку, уже стражников послал, но те тоже пропали, а певунья по-прежнему песню свою тянула. Разгневанный принц сам отправился к озеру. А там старуха сидит, косу седую плетет да поет, а люди дворцовые вокруг стоят и, словно замороженные, ее слушают.

Прикрикнул принц на возмутительницу спокойствия, а та и бровью не повела, петь продолжила. Тогда схватил он старуху за плечи да потрянул так, что у нее дыхание сбилось. И оборвалась песня. Подняла на него женщина глаза печальные и говорит: «Жаль, принц, что тебе песня не понравилась. А она не простая была — заговорная. Хворь черная нашему краю через воду грозила, а ты, оборвав песнь, навлек беду на себя: заболеешь и погибнешь через сорок дней. Исцеление? Музыкой. Выздоровеешь, если петь будешь. Да так, чтобы нашлась хотя бы одна душа, которой понравится твое пение, и вознаградит она тебя за это денежкой. Другого пути нет!»

Сказала это и растворилась в воздухе. А принц на слуг прикрикнул, что ротозейством занимаются, да спать пошел. Не поверил старухе, значит.

Ну так вот, через некоторое время начался черный мор по царствам-государствам, только землю, где старуха пела, он стороной обошел. Ни один человек не заболел, кроме принца. Пять дней, пять ночей жар его мучил, а на шестой день покрылось его тело черными язвами. Всякие лекари приходили, но ничего поделать не могли.

Вспомнил принц слова старухи и начал людей вокалом изводить. Голосом он обладал приятным, но пел так фальшиво, что без слез слушать

нельзя было. Все, особенно дамы, ахали и охали, денежки совали, мол, хорошо принц поет, но болезнь не проходила. Значит, врали. Отчаялся наследник. Меньше месяца жить осталось, но никому его пение так и не пришлось по душе, даже матери родной, как ни старалась!

Отчаялся принц, меньше месяца жить осталось, и хворь уже более половины тела заняла. Но подсказали ему однажды, что на границе его владений ярмарка открывается, куда съедется народ со всех соседних государств.

— Может на ней любитель фальшивого пения найдется? — с надеждой в голосе произнес принц и стал собираться в путь-дорогу. Правда, чтобы не опознали его гости из соседних государств, посоветовали ему переодеться в костюм трубадура.

Да, не суждено было чаяниям принца сбыться! Неделью, другую надрывал он голос без устали от рассвета до заката, к вечеру даже говорить не мог, и пальцы от струн дульцимера кровоточили, но кроме насмешек, улюлюканья да камней от бойких мальчишек, дразнивших его за фальшивое пение, ничего не получил.

Стоя у ярмарочных ворот, заметил горе-певец девушку с корзинкой фиалок, которая, проходя мимо, лицо не кривила и всегда приветливо смотрела.

— Неужели нашлась та единственная, которая может мое пение полюбить? — подумал трубадур.

Стал он выходить к ней навстречу и петь уже только для нее. А девушка это заметила и улыбаться в ответ начала. А однажды остановилась да букет фиалок в ладонь певцу сунула.

Но фиалки — не деньги, хворь не смогут выгнать, даже если пение по душе!

Понравилась принцу продавщица фиалок своей добротой, отзывчивостью, кротким нравом. Поэтому букетик от прекрасной незнакомки принц засушил на память в книге сонетов.

Все меньше дней у нашего горе-певца в запасе оставалось — язвы уже по всему телу расползались, только лицо пока не тронули. Но не обращал он на хворь внимания, ему девушка с фиалками дорога стала. И не заметил принц, как влюбился. Все думы были только о милой деве. Как искренне она улыбается, встретившись с ним взглядом, как смущается, если нечаянно коснется руки, как убирает локон с лица, если ветерок-затейник вытащит его из пушистой косы, как оборачивается, чтобы помахать на прощание. И захотелось мужчине спеть ей о своей любви. Пусть услышит, как дорога! Эта любовь ему стала отрадой перед смертью.

Когда на следующий день красавица возвращалась с ярмарки и остановилась возле него, трубадур запел старинную песнь о любви. Он пел, девушка улыбалась, а толпа улюлюкала. Все, как всегда. Но вдруг принц увидел, что какие-то всадники несутся прямо на любимую, а она не слышит окриков, с дороги не сторонится, только на него смотрит и улыбается.

И затоптали бы девушку, если бы принц ее на себя не дернул и не обнял, чтобы не упала. А красавица в его объятьях застыла, головкой к груди прижалась. Воодушевившись, принц продолжил песнь. И вдруг девушка подхватила! А голос у нее оказался чистым и богатым, и за ним фальшивые ноты стали не слышны!

Да и у самого принца от близости к любимой лучше стало получаться! Видимо любовь не только окрыляет, но и от счастья голос меняет.

Так они и стояли обнявшись и пели о любви, пока не звякнула первая денежка у их ног, потом вторая, третья, а потом и вовсе град полетел. Очень людям песня их понравилась. Народу завсегда приятно посмотреть на влюбленных, которые о своих прекрасных чувствах поют!

Когда трубадур с красавицей петь закончили, они, словно, очнулись и с удивлением заметили, что стоят по щиколотку в монетах.

Да, народ не обманешь, он истину от фальши отличить сумеет! И вознаградит по заслугам.

Поэтому стали люди в ладоши хлопать да просить еще раз старинную песню исполнить.

Но девушка вдруг засмутилась, вырвалась из объятий трубадура и убежала. Кинулся принц следом, стал звать ее, но она словно и не слышала!

Добежала девушка до домика, где фиалки повсюду росли, и скрылась в нем. Стал принц в дверь стучаться, но ему не открыли. Вдруг кто-то его за рукав тронул. Обернулся, а это старуха, что воду в озере от хвори заговаривала. «Не болен ты более, принц! Выполнил-таки условие, понравилось людям твоё пение! А теперь ступай к себе!» Покачал печально головой: «Не могу уйти! Полюбил девушку, что в этом доме живет. Она меня от хвори спасла. Понравилось ей мое пение!» Засмеялась тут старуха: «Не может того быть. Анна глухая!»

Тут девушка в окно выглянула, старуха рукой махнула, чтобы та вышла. Не ослушалась Анна, с поклоном к седой женщине подошла, на принца глянула и краской смущения залилась. Старуха ей что-то знаками показала, и красавица заговорила: «Прости, трубадур, не знала я, что ты фальшиво поешь. Думала, просто не ладится, от того и денег в шляпе не прибавляется. Потому улыбалась, старалась подбодрить. А сегодня

остановилась попрощаться. Закончилась ярмарка. Может, не свидимся больше никогда. Не догадывалась, о чем поешь, пока ты от всадников меня не спас да нечаянно к груди своей не прижал. По вибрациям признала любимую песню. Ее когда-то отец матушке пел. Я не всегда глухая была, только после болезни тяжелой. Поэтому и песню подхватила, помочь хотела. У тебя глаза добрые да старания много. Ты каждый день на ярмарку приходил, хотя ничего не получалось. А вдвоем петь всегда лучше, чем одному. Правда? Только отчего же ты монеты не собрал, должно быть, нуждаешься в деньгах, раз по многу часов без усталости поешь?»

Попытался трубадур рассказать, как был наказан за грубость, но Анна не понимала, а на пальцах объясняться трудно. Решил тогда принц попробовать объясниться с ней тем же способом, как на ярмарке. Подошел, голову к своей груди прижал и заговорил. А красавица заулыбалась, разобрала все слова для нее предназначавшиеся! Долго они так беседовали и не заметили, как старуха ушла, и как день закончился, сменившись звездной ночью. А им уже и говорить не хотелось — без слов понятно, что обнявшись стоять намного приятнее. А потом они вдруг поняли, что целоваться еще приятнее. И повел принц Анну во дворец и объявил всем, что женится на любимой девушке, своей добротой остановившей черную хворь.

А доктора, из-за границы выписанные, Анну вылечили. Но не оставили молодые привычки разговаривать обнявшись, даже когда стали королем и королевой. И часто можно было услышать, как над озером разносится песнь о любви, исполняемая двумя голосами, один из которых безбожно фальшивит. Но это ведь не беда? О любви петь можно любым голосом, главное, чтобы в душе фальши не было.

* * *

— Кхе-кхе-кхе, — покашляла в кулачок старуха, отведав сладкого вина на свадебном пиру принца и Анны. — Хорошая получилась пара. Правда, пришлось приложить больше усилий, чем с Золушкой. Но дело того стоило.

Выпив следующий глоток вина в честь молодых, старуха задумалась, посмотрев вдаль, — Кто еще из моих красавиц несладко живет, но имеет доброе сердце и верит в любовь? Рапунцель? Белоснежка?

Улыбка озарила морщинистое лицо, — Белль! Милая девочка. Надо бы наведаться в страну, где живет Чудовище и заплутать в лесу ее отца. Мои

крестницы достойны самых лучших принцев! Доброта и щедрость души всегда должны вознаграждаться любовью.

История шестая

Пять пар обуви моей бабушки

*Англичане говорят: время деньги.
Русские говорили: жизнь копейка.*

Петр Вяземский

Что могут рассказать наши вещи? Очень многое. О нас, о нашей жизни, о нашей любви. Просто нужно уметь слушать.

Сундук

Моя бабушка умерла. Я очень любила ее и не верила, что когда-нибудь она уйдет. Поэтому ее смерть стала неожиданностью, я плакала, сидя в опустевшем доме, и вспоминала время, когда мы были вместе. А вместе были без малого сорок пять лет. Но что происходило в остальные сорок четыре года, не знала. Бабушка уходила от ответов, переводила разговор на другую тему, но я всегда чувствовала, что было в ее жизни что-то, что она хранила вдали от посторонних глаз.

Убирая из дома вещи, которые уже не пригодятся, наткнулась на небольшой старинный сундук, стоявший на чердаке. Замка на нем не было, поэтому легко открыла крышку. Пыли на сундуке не оказалось, петли были смазаны, видимо туда часто заглядывали. В темном нутре обнаружилось несколько свертков. Лежащее в них оберегали, это было видно по кускам тряпиц, в которые они были завернуты.

Вот самый маленький сверток. Разворачиваю — это оказывается детское одеяльце с ручной вышивкой и пожелтевшими от времени кружевами. Монограмма на особо расшитом краешке состояла из двух букв «Е.Г.» Это первые буквы бабушкиного имени и фамилии — Евдокия Горбатовская. В одеяле обнаружились крошечные пинетки. Они были сделаны из тончайшей зеленой кожи, с искусно вырезанным узором по краю и тоненькими шелковыми тесемками, заканчивающимися цветочками из той же кожи. Более прелестной детской вещицы я не видела.

В другом свертке, представляющем из себя шелковый цветастый

платок, находились сандалики и опять они были необыкновенно хороши — красного цвета, с золотой пряжкой и бантиками в черный горошек.

Третий сверток — это были завернутые в пуховой серый платок валенки. Простые, изрядно поношенные.

Четвертый сверток — это завернутые в фату белые туфли с изящным каблуком и ремешком, застегивающимся вокруг лодыжки.

Пятый сверток — грубая мешковина и искореженные длительной ноской ботинки из кожи плохого качества. Почему бабушка прятала все эти вещи, почему не захотела показать мне и поделиться их историей? Мне было обидно, что она не доверилась, не открылась своей внучке.

Я все аккуратно сложила в сундук и села на пол, облокотившись на него спиной. Темнело, сверчок начал свою песню, половицы в старом доме поскрипывали, хотя в нем никого кроме меня не было. Легкий ветерок влетал в открытое слуховое окно и ворошил страницы старых газет, уложенных около сундука. Мои глаза стали слипаться, тело охватила истома, ноги гудели от длительного хождения по дому и в последнем усилии, я подтянула к себе пачку газет, уложила на нее голову и заснула.

История пинеток

Нас принесли от сапожника, который мастерил обувь только для богатых. Мы шились с любовью для маленькой девочки, родившейся в семье зажиточного пана Горбатовского. Дуся была младшенькой и единственной девочкой после двух мальчиков, которые были намного старше ее: Петру было одиннадцать лет, а Павлу шестнадцать. Они и близко не подходили к крохе, поэтому она наблюдала за ними издали, пуская пузыри своим непослушным ртом. Нас одели на ее пухлые ножки, и вместе мы делали первые шаги, сначала от мамы к папе, потом вдоль стенки к кровати, богато украшенной выбеленными простынями с кружевной каймой и кружевной же накидкой на пирамиде сложенных пуховых подушек.

Потом мы с мамой за ручку стали выходить во двор, где под ногами бегали безумные куры, гоготали жирные гуси, из загон слышалось мычание коров и ржание лошадей. Папины батраки бегали по двору, помогая собрать в бричку вещи, необходимые ему в дороге. С одной стороны несли жирные колбасы, завернутые в тряпицу, с другой бутылка вина, установленную в плетеную корзину, из дома мимо нас пронесли каравай хлеба. Дуся потянулась к нему и мама, остановив батрачку,

отломила хрустящую корочку. Хлебные кусочки падали на нас и мы переступали с места на место, чтобы пухлая ручка малышки могла их собрать и кинуть курам. Когда мы стали малы, нас завернули в дусекино одеяльце и спрятали в темноте сундука.

История сандаликов

Нас сшил тот же мастер, и мы были преподнесены Дусеньке на пятилетие. Она была одета в длинное бархатное платье с большим кружевным воротником, косы были заплетены в корзинку и украшены шелковыми ленточками в тон платья. Дусе принесли много подарков и сладостей. Там была деревянная лошадка-качалка, на которой мы катались до тех пор, пока Дусю не вырвало на нас. Потом нас помыли и положили возле печки.

Ночью, когда мы совсем высохли, в горницу ворвались вооруженные люди с красными звездами на шапках и вывели папу во двор. Через некоторое время оттуда слышались выстрелы. Мама в это время прижимала испуганную босую Дусю к себе и пыталась воспротивиться, чтобы из дома вывели брата Дуси. Потом, когда все-таки Петра забрали, она опустила Дусю на пол и велела той одеваться. Дуся тут же схватила нас и стала застегивать на своей ножке трясущимися пальчиками.

Потом мама позвала девочку, и мы выбежали на улицу. Там уже светало, мы прошли огромные кованые ворота, отделяющие усадьбу от садов, а на дороге у цветущего жасмина увидели лежащего в луже крови папу. Он не двигался, а рядом на коленях стоял Петр и к его голове был приставлен маузер. Мама истошно кричала, Дуся упала в пыль и захныкала, а люди со звездами ударили юношу оружием по голове, из которой тут же полилась кровь, а сами сели в тяжело нагруженные скарбом из усадьбы телеги и уехали в лучах восходящего солнца. Больше нас Дуся не одевала.

История валенок

Мы достались Дусе от другой девочки, которая ехала с ней в том же вагоне, но она умерла в пути от испанки. Дуся не хотела нас одевать, но мама сказала, что там, куда их везут, будет очень холодно и ей пришлось натянуть нас на свою худенькую ножку.

Находились мы в этом вагоне уже месяц, и конца пути не было. О Дусе заботился ее брат Петр, правда он не мог говорить, мама объясняла женщинам в теплушке, что это после того, как его выводили на расстрел. Но дорога все-таки закончилась, и мы разместились в телегах, которые долго везли в темноте. На земле был снег и только укатанная колея говорила о том, что мы не единственные, кто пользуется этой дорогой в бескрайней снежной степи.

Разместили нас в бараке, где мы сушились у печки со странным названием — буржуйка. Но эта печка не спасала, было очень холодно, Дуся почти не выходила из барака. Иногда ее брал на руки Петр и выносил на редкое солнце. Девочка куталась в пуховый платочек и просилась назад к маме. Однажды, когда мы вернулись с такой прогулки, мамы на обычном месте не было. Она умерла от голода и болезни — кашляла кровью.

В этот же день Дусю забрали какие-то женщины и на чихающем грузовике отвезли в детский дом, где девочка была до тех пор, пока за ней не пришел старший брат Павел, на голове которого была фуражка с красной звездой. Он был в кожаной куртке и в кобуре был пистолет. В доме, куда мы пришли с Дусей, нас уже ждал Петр. Он снял нас с девочки и, завернув в ее старенький пуховый платок, уложил в сундук.

История белых туфельек

Нас одели с утра на Дусины ножки, обтянутые шелковыми чулками, наши носы едва высывались из под ее длинного платья и было плохо видно, что происходило вокруг. Одно мы точно знаем, что хозяин черных лакированных штиблет говорил не по-русски, и его туфли страшно гордились, что их шили руки знаменитых итальянских мастеров. Дусины ножки порхали вокруг этих штиблет, мы взлетели вверх, когда красивую девушку в фате несли на руках.

Вечером нас сняли мужские руки, следом упали чулочки, и последним слоем одежды на нас упала фата. Что произошло дальше, нам было не видно, но утром в дверь гостиничного номера постучали, были слышны гортанные голоса, потом крик Дуси, ее плач, уговаривающие интонации в голосе уже не жениха, а мужа и стук закрывающейся двери. Дусины руки достали нас и стали заворачивать в фату, окропив напоследок слезами. Руками Петра мы были уложены в сундук.

История грубых башмаков

Нас выдали Дусе в темном бараке, за стенами которого дул холодный северный ветер и с неба сыпалась ледяная крупка, секущая лицо и руки, прикрывающие большой живот. Мы месили грязь, медленно передвигаясь от барака к бараку для того, чтобы Дуся могла раздать еду из тяжелых по началу ведер таким же серым женщинам, как и она.

Потом мы стояли под кроватью, на которой лежала рожаящая Дуся, и слышали первый плач девочки, названной в честь отца Александрой. И уже в последний раз мы протопали по снегу, смешанному с грязью, добираясь с Дусей, держащей девочку и маленький узелок из мешковины в своих застуженных руках, до металлических ворот, продолжающихся колючей проволокой, возле которых нас ждал Павел. Он взял Шурочку на руки и помог забраться в грузовик Дусе. В грузовике она сняла нас, поменяв на красивые ботиночки на меху, и завернула в мешковину, вытряхнув из нее нехитрый скarb на сиденье машины.

Потом мы оказались в сундуке рядом с другими свертками и нас всех извлекали на свет время от времени сначала нежные руки Дуси, потом уже морщинистые, с распухшими суставами руки Евдокии Васильевны. Разворачивали наши тряпицы и гладили тонкими пальцами. Дусечка с нами разговаривала, иногда пела. И в последний раз это было за неделю до того, как нас достали молодые руки, но уже другой женщины, чье сопение который час мы слышим у сундука.

Уснула что ли?

Старое письмо

Сижу и жгу старые бумаги. Квитанции, извещения, тетради с записями, сделанными на курсах кройки и шитья, схемы вышивки и вязания с пометками, оставленными рукой родного человека. Перебираю кипы пожелтевших листов, ломкие уголки которых рассыпаются прямо в руках. Тексты прочесть нельзя, все испорчено временем. Могу различить только как были написаны слова.

Вот карандаш. Он был хорошо заточен, но от трения листов между собой графит размазался, и только бороздки от нажима стержня, позволяют различить буквы — это рецепт кулебяки. Взгляд выхватывает слово «визига». Задумываюсь. Это что-то из начинки пирога, если не забуду,

посмотрю в интернете.

Вот запись сделана «химическим» карандашом. Я однажды в детстве видела, как бабушка писала им. Она облизывала грифель, после чего он на бумаге оставлял чернильный след. Мне полизать не дали, огрызок карандаша убрали в шкаф.

Вот листы, исписанные ручкой с пером. Сейчас о таких, наверное, и не слышали. Я же вспоминаю чернильницу «непроливайку», острое перо, насаженное в специальную щель в металлическом наконечнике деревянной ручки. Помню руку бабушки, когда она держала такое перо. Тонкие пальцы изящно обхватывают деревянную часть, а указательный, расположенный над самым пером, испачкан каплей чернил синего цвета. Рука опускает перо в чернильницу, обязательно после этого проводя острым сдвоенным кончиком по краю непроливайки, чтобы снять лишнюю каплю, которая грозитя растечься кляксой, а потом пишут на разлинованном листе тетрадки, делая «правильный» нажим в выводимых буквах. Ручка возвращается за новой порцией чернил через слово-два, поэтому начало длинного слова темное, а последние буквы едва различимы. Тут же заложена «промокашка», на которой частые следы зеркально отобранных слов.

На некоторых бумагах использовано уже другое перо. У него круглый кончик. Вспоминаю поршневую ручку, которая окунаясь в пузырек, засасывала в свое чрево приличную порцию чернил. Такого количество хватало на страницу текста, а то и больше.

Уже могу различить, что написано. Это стихи. На полях небольшие зарисовки. Цветок, фигурка девушки в платье, воздушный шарик. Видно, что эти несложные рисунки сделаны во время обдумывания очередной строфы, которая зачеркнута и написана снова и снова.

Я счастлива, весна пришла внезапно!
Еще вчера в саду был виден серый снег,
Сегодня же тюльпан проклюнулся там красный,
И радостен сей кумачовый цвет.

Я откладываю страницы со стихами, почитаю позже, покажу маме.

Вот несколько листов с одинаковым типографским текстом. Слова переворачивают душу: «Внимание, пропал человек! 2 апреля 1963 года из дома ушел и не вернулся Петр Васильевич Горбатовский. На вид 60 лет, рост высокий, худощавого телосложения. Особые приметы — немой, на

пальцах рук отсутствуют ногтевые фаланги. Был одет...»

Я вспомнила, что видела дядю Петю, как его называла мама. Он сидел у окна, выходящего в сад, отрывал кусочки от горбушки хлеба, засовывал их по одному в рот. Когда я подошла к старику, он протянул маленький кусочек, и я обратила внимание на его пальцы. Мне было около четырех, но они поразили детское воображение. Вместо привычного ногтя там была продольная черная пластина, шириной не больше двух миллиметров. Бабушка не разрешила взять хлеб, и Петр покорно убрал руку. Позже я узнала, что ногти деформировались из-за обморожения, полученного шестнадцатилетним Петром в северном Казахстане.

Дядю Петю так и не нашли.

Вот треугольники бумаги, я сразу узнала письма с фронта. Их всего четыре. Бумага почти коричневого цвета, но короткие послания написаны чернилами, почерк четкий, видно было, что человек пишет много.

Это письма от бабушкиного брата Павла. В них тревога за Дусю и маленькую Александру. Внизу обязательная приписка передать привет Петру. О себе всего пара слов: «жив, здоров». Вспоминаю дядю Павла. Нечастый гость в доме бабушки: он был чиновником и, как я теперь понимаю, занимал высокую ступень в партийной иерархии. Его привозил черный автомобиль с блестящими хромированными деталями, на ногах были такие же черные, начищенные ваксой, туфли, а в руках раздутый кожаный портфель. Он, как и Петр, был высок, худощав, но с вечно усталыми глазами. Трепал меня по кудрявой голове и проходил дальше. Эти письма тоже откладываю.

В кипе бумаг нахожу необычную. Не могу описать ее отличие от остальных, оно едва уловимо. Но бумага лучше по качеству, светлее. Очевидна ее инакость, иноземность. Разворачивая листок, понимаю, что это письмо, но на английском языке. Выхватываю первые слова и не могу читать дальше, от волнения руки потряхивает, текст расплывается. Бросаю все: кипы не разобранных бумаг, тлеющие обрезки в ведре и иду в дом. На столе разглаживаю листок, включаю настольную лампу, протираю тыльной стороной руки глаза и замираю.

Это письмо от Алекса! Того самого американца, который был выслан из страны на следующий день после свадьбы! Это я поняла, прочитав первое обращение «Дорогая моя Дока» и последние слова «Твой Алекс». Только он называл бабушку Докой, видимо имя Евдокия ему было произнести трудно. Об этом Алексе как-то упоминалось в разговоре Павла с бабушкой. Порывшись в шкафу, нашла словарь и начала переводить. К концу письма я безудержно рыдала.

«Дорогая моя Дока! Как ты? Все ли у тебя в порядке? Это девятое письмо к тебе, но я не получил ни одного ответа, поэтому сильно переживаю, дошли ли мои весточки до тебя? Я отправлял их через наше посольство, но Советский Союз — закрытая страна, и мне не смогли ответить, получила ли их ты.

На всякий случай напишу еще раз о себе. Я не забыл тебя и по-прежнему считаю женой, хотя мы провели в этом статусе всего один день и одну ночь. Когда я уходил тем утром, думал, что это ненадолго, срочная командировка закончится, и мы опять будем вместе. Я даже злился, что ты плачешь, как будто мы расстаемся навсегда. Прости меня за это.

Мне не дали собрать вещи, сразу привезли на аэродром, и через пять часов я был уже в Лондоне. На все вопросы были уклончивые ответы, знаю лишь одно — мне отказано в посещении СССР. Не понимаю, что могло произойти? Но буду добиваться нашей встречи, не оставляю надежды увидеть тебя вновь и осуществить наши планы по переезду в Вашингтон. Пока обустроиваю дом, мне помогает Сара, она сшила чудесное одеяло для тебя. Ты помнишь, что Сара — моя младшая сестра?

Недавно мы ездили с ней в Нью-Йорк на бродвейский мюзикл „На цыпочках“. Саре понравилось, но я не оценил музыку Ричарда Роджерса. Не мое это. Больше люблю слушать блюз. Ты же слышала джазовые композиции Бесси Смит, ее превосходный голос? Осенью прошлого года я был на ее шоу „Звёзды над Бродвеем“ в нью-йоркском театре Аполлон. Так жалел, что тебя не было рядом! Мы обязательно сходим на ее концерт!

Да, Сара передала тебе небольшой подарок, она говорит, что тебе непременно понравится. Эта книга, написанная домохозяйкой, называется „Унесенные ветром“. Все женщины вокруг сошли с ума от романа Митчелл. Сестра прожужжала уши про некого Рэта Баттлера. Книгу с этим письмом передам коллеге, он сейчас вместе со мной в Лондоне на конференции, и отсюда едет в Москву. У него есть адрес твоего брата Павла. Ты можешь через Олби передать мне ответ. Я очень жду! Так будет надежнее, чем через посольство.

Пиши обо всем! Как ты прожила эти восемь месяцев? Как твое здоровье? На свадьбе ты была бледна, но я списал это на волнение. Знаю, твои братья поддерживают тебя и не дадут в

обиду.

У меня все хорошо, работы много, наше конструкторское бюро завалено заказами. О, ты слышала, что в начале марта совершил свой первый полет дирижабль „Гинденбург“! Это потрясающее событие, но я уверен будущее за самолетами, а не за этими медлительными и опасными монстрами.

Пора прощаться, заканчивается ланч и все делегаты опять собираются в зале. Это последнее заседание, вечером уже вылетаю назад, в Штаты.

П.С. Я люблю тебя. Вспоминаю твои губы. Я обожал их целовать. Надеюсь, скоро увидимся, и я опять почувствую их вкус. Я не сдамся.

Твой Алекс. 20 ноября 1936 года»